

ЗАБЫТАЯ ЮНОСТЬ

или воспоминания
на последней парте

СЕРЖИЙ КАРМАНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

→ 1А

Серж Карманов
Забытая юность,
или Воспоминания
на последней парте

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34999274
SelfPub; 2022*

Аннотация

Страна живёт в двадцать первом веке и порой трудно вспомнить, чему ты радовался и о чём грустил в шестнадцать лет, во времена конца брежневской эпохи, в далёком, но нашем городе. Но можно попробовать, чтобы окончательно не забыть в потоке информации, льющейся сегодня из всемирной паутины, смарт экранов и блютуз колонок.

Содержит нецензурную брань.

Серж Карманов

Забытая юность, или Воспоминания на последней парте

Жизнь наша непонятна и сложна – поэтому живи проще, говори просто, пиши просто, без лишних слов паразитов, нудной тягомотины и словоблудия, надуманных психологических тестов и пережёвывания образов и пейзажей, так или иначе, уже пересказанных кем– то.

Совет моего друга, ему и посвящается.

Вместо вступления.

Страна живёт в двадцать первом веке. За окном моросит майский дождь, солнце, изредка появляясь из-за растрёпанных облаков, наполняет сад теплотой, сквозит лёгкий ветерок. Мы сидим с Костей на веранде, закутавшись в пледы, и не спеша наполняем желудок коньяком. В доме трещит камин, прогревая стены после зимних холодов, но там как то не сидится, даже Дельта перестала греться у камина, вышла на веранду, прислушалась к нашему разговору, посмотрела на Костю, он занял её кресло, но рычать не стала, а плюхнулась около моих ног.

Мы вспоминаем, какая была жизнь много лет назад, не было столько злобы и отчаяния, слышалась правильная русская речь, ещё был жив Советский Союз.

В Москве прошла Олимпиада, было довольно весело и необычно, но по большому счёту ничего не менялось, жизнь шла в привычном размеренном ритме, но пройдет совсем немного времени, умрёт чавкающий генсек и страну захлестнёт сплошной водоворот. Будут меняться правительства и названия городов, деньги превратятся в фантики, на которых будут рисовать и стирать нули, эквивалентом всех ценностей станет доллар, кто то стремительно разбогатеет, другие потеряют жильё. Нелепые экономисты будут учить жить, а математики строить денежные пирамиды, нефтяники и металлурги вытеснят с первых рядов торгашей, спекулянт – значит бизнесмен, шахтёр – неудачник, идеальная пара – бандит и фотомодель, даже настанет краткий период стабильности, но появится Киндер-сюрприз и страну накроет новая волна вороватых реформ, локальных войн и этнических конфликтов. В Москве начнут взрывать дома, в Литве возрождать фашизм, а Европа станет ближе и родней, чем Грузия и Украина, снова нависнет тень мракобесия и циничного безликого диктатора.

После такой мешанины понятий и ценностей, не так просто вспомнить как ты жил в шестнадцать лет, чему радовался и о чём грустил, но Костя помнит, его истории просты и забавны, что мне постоянно хочется их записать.

— Это элементарно, доктор! Ты неплохо печатаешь, вот и записывай ничего не меняя, времени полно, ребята ещё не скоро приедут. Почему бы не начать прямо сейчас! — восклицает Костя и начинает перемещать в комнату кресло и коньяк.

В кресло тут же усаживается Дельта, не обращая внимания на упрёки Кости, я устанавливаю по удобнее клавиатуру, а Константин вытягивается на диване.

Начинаются воспоминания.

Воспоминание 1. Парта.

Я любил сидеть на последней парте, здесь ты сам предоставлен себе, учителя не особо обращают на тебя внимание, думая, что на «камчатке» обычно сидят двоечники или прогульщики, лишь бы ты им не мешал. Я и сам не любил, когда тишину в классе нарушал звук падающего на чью-то голову учебника или нелепое замечание классного умника. Сидишь, как будто отгороженный невидимой стеной, мысли где-то далеко, временами возвращаешься в класс, записываешь задачу или химическую формулу, а потом снова уносишься в свой мир. Предметы мне давались легко, а если в задаче что-то не получалось, я списывал у отличницы или другой прилежной ученицы, причем особо не настаивал, но всегда получал тетрадь.

Вообще стоило мне усесться за свободную парту, поближе к первым рядам, как со мной обязательно садилась девочка.

Я не был красавчиком и ловеласом, просто разговаривал с ними как с равными, угощал апельсином или конфетами и не бросалдохлых крыс в портфель. Что я не любил, так это когда пробираясь сквозь заросли тропических джунглей или бороздя необъятные просторы океана, меня легонько толкали в бок, заставляя вернуться в этот серый мир и задавали идиотские вопросы, типа:

«Костик, у тебя есть точилка? – или:

«А какой следующий урок, ведь химичка заболела?»

Меня иногда тянуло к ним, например, хотелось потрогать упругую грудь или засунуть руку между ног, особенно если девочка приходила в чёрных чулках, но я слабо представлял, что делать дальше и поэтому продолжительных отношений не возникало.

К тому же я часто менял школы, мать переезжала из города в город, она была врач-вирусолог, закончила в Москве ординатуру и аспирантуру и Наверное была одним из лучших специалистов на Дальнем Востоке. Она с головой уходила в работу и останавливалась лишь тогда, когда результат был получен или проблема перестала её интересовать.

Помню, в восьмом классе, одна девочка, мы довольно часто с ней вместе сидели за партой, пригласила меня к себе в гости. Причём дала понять, что это не будет сборище одноклассников и друзей, где все поглощают торт, пьют украдкой от родителей вино, танцуют, толкаясь друг с другом, а потом, уходя, ищут ботинки в коридоре.

Решая задачку по физике, она сообщила, что родители уехали на дачу, у папы есть хороший коньяк, надо только вскрыть бар и некто Габович, дал ей послушать хорошие пластинки. Она мне нравилась, и предложение было столь заманчивым, что я тут же согласился, совершенно забыв, что вечером состоится футбольный матч с Никитским двором, это была довольно сильная команда в нашем районе, да и двор у них состоял из трех домов, а у нас из двух.

Дома, съев кусок курицы, я развалился на диване, воображая предстоящий вечер, мою идиллию разрушил звонок, открываю дверь – стоит Мухомор, веснушки сливаются с новой вратарской формой, в руках потёртый футбольный мяч.

Начинаю медленно соображать, что послушать «Queen» в интимной обстановке у меня не получится.

– Ты чего уставился, ...форму у Блохи реквизировал, он хоть и в девятом, но ему только в настольный играть!

Мухомор, высокий рыжий парень, учился в 8 «Б», остался на второй год из-за болезни, его часто дразнили, но уважали за благородство и огромную, неистребимую жизненную энергию, он никогда не ныл и не нудил, а заражал всех оптимизмом, когда многие были готовы сдать или отступить.

– Ты о чём думаешь, мы должны выиграть, пойдём, меня потренируешь, видел, как у них Костыль крученые лупит? Одевайся, ... у тебя запор что ли?

Что я мог ему сказать, двор для него и меня это святое, реальные друзья, почти все вечера проходят здесь и сейчас надо защитить честь двора, объединить все усилия для победы, потому что проиграть на своем поле это двойной позор.

Телефона у неё не было и я ещё слабо надеялся, что игра не состоится, но выйдя на улицу, по подтягивающейся шпане с соседних дворов, оживленно разговаривающим папашам, моих товарищей, понял – игра будет, серьёзная и долгая.

Матч действительно был упорным, никто не хотел уступить, бегали как «электроники», выплевывая лёгкие, жесто-

чѐнно спорили, даже зрители выбегали на поле, когда судья, майор запаса, с красноватым, от выпитого в перерыве пива, лицом, назначил ложный штрафной вблизи ворот, но всё решилось на последних минутах, когда я из последних сил пройдя по правому краю, сделал пас Лѐхе Киевскому и он не останавливая мяч, вогнал его в нижний левый угол.

Мы победили в нелегкой, жѐсткой борьбе, не обошлось и без небольшой драки, но закончилось всё мирно в тенистой беседке с пивом и победными криками.

Войдя на следующий день в класс, я увидел в её красивых, злых глазах слово «козѐл», молча прошел мимо и сел за последнюю парту.

Странные мысли овладели мной, я был горд победой, даже малознакомый десятиклассник, при входе в школу поздравился со мной. С другой стороны я чувствовал, как обидел её, но извиняться не стал, вряд ли она поймет меня, да и что это за причина для девчонки – футбольный матч, лишь ручка произвольно нацарапала на парте её имя.

Вскоре маму пригласили преподавать в мединституте, и мы переехали во Владивосток.

Воспоминание 2. Студент.

Я снова за последней партой, смотрю в окно, там солнечный, тёплый сентябрьский день, настроение прекрасное, тем более, когда вступительные экзамены сданы и я уже студент гидрометтехникума.

Нас в группе 24 человека, две девчонки остальные ребята,

на факультет океанологии не берут девчонок, но их взяли – одна круглая отличница, другая дочь генерала.

Наш классный руководитель утверждает, что это единственный техникум в Союзе, где есть такой факультет.

Точно не знаю, что стало решающим фактором моего выбора, не желание идти в девятый класс в новой школе или книги Жак Ив Кусто, но море меня тянуло всегда, тем более изучение его глубинных тайн, я взял документы и отнес в приёмную комиссию.

С мамой, конечно, посоветовался, но начиная с шестого класса почти все решения, я принимал сам, мать редко вмешивалась в мою жизнь, когда уж в дневнике появлялась третья запись о настоящем приходе родителей в школу, она интересовалась, что там происходит. В доме существовало три закона:

чистка зубов, зарядка и честно отвечать на вопросы. Мама многое прощала, но если она говорила – нет, переубедить её или разжалобить было бесполезно, помню, она поздно пришла со школьного собрания, на которое чуть ли не завучу пришлось её приглашать, позвала в комнату и задала два вопроса:

_Ты что печатал в школьной фотолаборатории порнографию?

_Полная чушь!

_...и распространял её в школе?

_...ну, если можно назвать распространением вывешива-

ние на спине одноклассников нечёткой фотографии женского тела.

На этом всё и закончилось, хотя завуч обещала меня выгнать из школы.

Я прошел медкомиссию и без особых усилий сдал все экзамены и когда прочел свою фамилию в списке поступивших, как то не особо обрадовался, скорее, понял, что наступает другая жизнь.

В нашей группе учились ребята с разных регионов Дальнего Востока: Магадан, Сахалин, Камчатка, Хабаровск, Комсомольск на Амуре, но всех условно можно разделить на две группы, тех, кто приехал учиться и кто сам не понял, как здесь очутился.

Те, кто учился – усаживались в первых рядах записывали лекции и тянули руки на семинарах.

Я как то попробовал сесть за первый ряд и испытал настоящий шок – все как роботы склоняются над тетрадь, приподнимаются и вновь склоняются. Мне же легче запомнить, не записывая, если это не формулы, а следуя за мыслью преподавателя представлять, о чём идет речь, но учитель смотрит прямо на тебя, как будто спрашивает – ты чего уставился, удобно развалиться и сосредоточится невозможно.

В общем, я попросился в туалет и больше на лекцию не вернулся. Бобёр потом часто использовал этот приём, особенно на уроках Толи-Бори.

Анатолий Борисович, учитель океанографии, делал по

журналу перекличку, громко кашлял и отправлялся через смежную с аудиторией дверь в свой кабинет, выпивал стаканчик домашнего вина и начинал рассказ о течениях Мирового океана.

Проходило полчаса, Бобер искусственно багровел, сжимая рот, хватался за живот и тянул руку, просясь в туалет, Толе – Боре очевидно было знакомо ощущение тяжести в животе и он всегда отпускал, Бобёр уже не возвращался, праздно шатался по коридорам или пропадал в спортзале.

Понятно, что такие экземпляры сидели на задних рядах. Тут обитали уникальные люди:

Гена Птицын, по прозвищу Филин, черноволосый паренёк с бледным лицом и римским профилем, никогда не расставался с гитарой, вытягивал из неё разнообразные звуки на перемене или по многочисленным просьбам исполнял какой-нибудь хит, типа «Smoke on the water» или свою любимую «Feelins». Но большую часть времени он спал, причем мог заснуть быстро, в самых разных позах и практически везде. Наши маршруты на занятия иногда совпадали, захожу утром в трамвай, смотрю на проходе стоит Гена, одной рукой держится за поручень, в другой гитара, пробираюсь поближе вижу – спит, кепка сползла на нос, глаза закрыты.

Кричу чуть ли не в ухо:

_ Гражданин! Ваш билет!

Гена открывает один глаз:

.. А это ты, привет, толкни, когда наша будет». И снова

погружается в спячку.

Андрей Анохин, с ним мы прошли огонь и воду, а познакомились сидя в последнем ряду на истории КПСС. Он пытался записывать основные постулаты работы Ленина «Два шага вперед, один назад», несмотря на похрапывания, Гены и оживленный рассказ Бобра про студентку-метеоролога с грудью как волейбольный мяч. Я небрежно заметил, что знаю, где достать конспекты хоть за весь год вперед, Андрей тут же отбросил ручку и посмотрел на меня:

— Только без шуток, ... не врешь?

Историк, пожилой армянин, Ашот Эдуардович, покачивая толстым, как сосиска пальцем, всех предупредил, что без конспектов никто зачет не сдаст, а тем более экзамен.

Я утвердительно кивнул, два дня назад я совершенно случайно познакомился с удивительной старшекурсницей, которая перевернула всё моё представление о второй половине человечества, но об этом позже.

Она то и сообщила, что подрабатывает на кафедре истории и если что надо – заходи.

Андрей закрыл тетрадь, сказав, что избавиться от такой мути – это просто сказка, блаженно развалился на парте, тем более, что Бобер приступил к финальной части своего рассказа, как он на ровном месте споткнулся, и руки его уткнулись в волейбольные мячи.

Саня Бобраков, настоящий приморский парень – веселый, неунывающий, шутки и незлобные издевательства так и сы-

пались из него, его заразительный беззаботный смех, казалось, слышался отовсюду, не прошло и трех месяцев, а у него уже везде приятели. Шестикласником он поехал в деревню к дедушке, а вернулся с рюкзачком полным анаши, что не помешало ему семь лет профессионально заниматься гандболом.

В столовой мы научились понимать друг друга без слов.

Большая перемена, толпы голодных студентов давятся в очереди, бесперебойно толкаясь и размахивая руками, отстаивая своё место. Вчера, после занятий, я забрёл в профком, кто-то сказал там можно получить билеты на французское кино, вместо билетов записали в кружок юного пожарника и дали талоны на питание. Достаю талоны и думаю, как и главное что на них можно съесть, подбегает Бобер.

_О.. талоны! Где взял? – и, не дожидаясь ответа, хватает их, размахивая подносом, сливается с очередью, через несколько минут появляется около кассы, смеётся, с кем -то здоровается и продвигается ко мне. На подносе аппетитно парят две двойные порции и пара компотов. Именно об этом я и мечтал, столовские супы даже лень нести.

_Ты бы хоть место занял!

Я обнаруживаю Анохина, тщательно пережёвывающего салат, и мы направляемся к нему.

_Ганс хочешь котлету? – благородно предлагает Бобёр, видя, как Андрей сиротливо поедает салат, но Ганс вежливо отказывается.

Эта кличка быстро прилипла к нему.

Обычно после обеда студенты собирались кучками во дворе техникума, курили и обсуждали местные новости и сплетни.

Я лежал на траве около аккуратно подстриженных акаций и дремал под осенним, приятным, свежим солнцем, Андрей присел рядом и открыл книгу.

По двору бегала дворняга, подбегала к ребятам негромко лаяла и виляла хвостом, выпрашивая пищу. Володя Золатарёв, плотный, кудрявый парень, сынок директора овощного, пнул её ногой, – дворняга заскулила и отбежала.

Андрей закрыл книгу, подошел и спросил, зачем он это сделал.

Золатарёв, ухмыляясь, ответил:

— А ты кто такой, чтобы мне указывать! Иди на...

Андрей резко, не размахиваясь, ударил и сломал ему челюсть.

Золатарёва увезла «скорая», а через несколько дней в группе состоялось комсомольское собрание. И недавно выбранный комсорг, Паша Дьячков, естественно по прозвищу Дьячок, правильный, идейный парень, который собирался стать членом партии и хотел построить коммунизм, если и не во всей стране, то хотя бы в отдельно взятой группе, в конце своей пламенной речи, сказал такие слова:

— Как это можно просто так, внезапно, ударить человека, словно классового врага! Это просто обыкновенный фа-

шизм! Гнать его надо из наших рядов!

Тут стали высказываться, что он не фашист, парень в принципе хороший, и обязательно исправится, а про собаку все как то и забыли.

В разгар дискуссии поднялся перевязанный Золатарёв и еле двигающимся ртом произнес, что претензий к Анохину не имеет.

Андрею вынесли выговор с занесением в какую-то карточку, Бобёр подшучивая назвал его пару раз «фрицем», а потом Гансом.

Группа собралась, в общем-то дружная. Участвовали в субботниках и спортивных соревнованиях, собирались у Аркаши Лисина, он жил неподалеку на набережной, отец его из двухкомнатной квартиры на первом этаже сделал двухэтажную, оборудовав в подвале, просторную, обитую вагонкой комнату, сам же по полгода пропадал в артели на Колыме, перетряхивая камни в золото.

Именно здесь, в уютной квартире, из ребят нашей группы, образовался ВИА, который позже стал играть на всех вечерах в техникуме, только Вася Лобов, слегка отмороженный ударник, магаданский паренёк с прищуренным взглядом вечно красноватых глаз естественно бредивший Яном Пейсом, с повязкой на голове, непрерывно жующий таблетки, учился на аэрологическом. В разгар вечеринки он установил в звуконепроницаемой комнате, приобретенные в каком-то дворце культуры тарелки и выдал под Лисинскую ба-

суху такое соло на барабанах, чем привел всех в неопиcуемый восторг.

Костя замолчал, налил коньяк, поежился и сказал:

— Как то дубовато, давай разомнем кости, подкинем дров!

На соснах ещё клочками висел утренний туман, но дождик перестал моросить, тучи потихоньку стали рассеиваться.

Костя подошёл к поленнице, вытащил несколько дров и спросил:

— А кто приедет? Будем баню топить?

— Ты многих не знаешь, я тебя познакомлю, ... баню затопим, когда начнут собираться, ещё часа три не меньше, — я тоже набрал дров, и мы зашли в дом.

Выложили дрова у камина, я подбросил пару поленьев и уселся за комп.

Костя закурил, Дельта глухо зарычала, она редко кому разрешала курить в комнате, Костя демонстративно затушил сигарету, глотнул коньячка и продолжил рассказ.

Воспоминание 3. Джинсы.

Владивосток, в начале восьмидесятых, времен конца застойного периода, представлял удивительную картину. Бежали городские и морские трамвайчики, по заливу ходил паром, перевоза машины и людей, в порту вообще никогда не затихала жизнь, трамвайчики прекращали ходить в час ночи, городские парки и набережные светились и особенно в выходные были полны народа, никому и в голову не приходило об отключениях электричества. Город расположенный

на широте Сочи, окружённый заливами, с разнообразными бухтами, островами и заповедными пляжами был уникален, не только неповторимой природой, но и людьми.

Зимой жизнь немного замирает, но снег лежит недолго, больше мучают ветра и дожди. Кратко это изложено в поговорке.

«Владивосток – город дождей, бляд... и бескозырок».

То есть портовый город с частым выпадением осадков и разгульной жизнью.

Летом в каждом парке играл ансамбль со своим репертуаром и поклонниками, в Большом, он находился вблизи набережной, около кинотеатра «Приморье», собиралась взрослая, солидная публика, гуляющие с набережной, местные снобы и богема.

В Морском или в малом, в основном гражданские и военные моряки, часто заглядывали студентки торговых вузов, здесь был веселый летний кинотеатр «Перекоп» с деревянными скамейками вместо кресел, где можно было пить пиво и курить, громко хохотать и комментировать эпизоды.

В городском или «Центральном» парке тусовалась молодежь. Это был большой парк с каруселями, тенистыми аллеями и огороженной сеткой просторной танцплощадкой.

Он находился рядом с техникумом и мы часто посещали его.

Вот и сейчас мы брели с Гансом по парку, лениво перебрасываясь словами и поглядывая на редких прохожих, сто-

ял майский полдень, позади почти год учёбы, впереди экзамены, все вокруг расцветало и пело, сидеть на занятиях со всем не хотелось.

Вдруг меня окликнул незнакомый парень в тёмных очках, присмотрелся получше – Аркаша Лисин. Одет он был как то странно: стёртая кожаная куртка, брезентовые расклешённые брюки и прошедшие пару марафонов, поношенные кеды.

В весь этот облик портового хулигана не вписывались круглые тёмные очки.

— С девчонками знакомишься? – присаживаясь, поинтересовался Ганс.

В ответ, Аркаша, молча, взял стоявшую неподалёку от скамейки сумку и протянул нам.

В сумке лежала пара стоптанных домашних тапочек.

Мы смотрели на этот странный набор, медленно понимая, что происходит.

Аркаша среди бела дня, как он выражался «обменивал» старенькие тапочки на новенькие кроссовки, в кроссовках он разбирался не хуже, чем в музыке и мог сразу отличить фирменный «Nike» и «Adidas» от подделки.

Он высматривал пацана, в хороших кроссовках, улыбаясь заводил с ним разговор, угощал сигареткой, а потом доставал «мойку», опасную бритву, и предлагал пройти к скамейке, где без рукоприкладства, лишь приговаривая о том, как жалко ему расставаться с любимой домашней реликви-

ей, вручал тапочки и забирал кроссовки.

Ганс начал было читать лекцию на тему:

«Что такое хорошо и что такое плохо», но Лис перебил его, сказав, что сам ненавидит воровство, но это совсем другое, это обмен товара на товар, бизнес одним словом.

— Я же не режу никого, ... да и «Fender» надо купить, после экзаменов будет вечер в техникуме, где мы будем первый раз играть, а на чём играть, на старой болгарской балалайке, — добавил он, смотря, куда -то вправо, наверное выскивая очередного продавца.

Своей странной логикой он удивил меня, что то меняется в голове, когда натягиваешь несвойственную тебе одежду, но думать об этом не хотелось. Мы посмеялись, посоветовали прекращать обувной бизнес и пошли своей дорогой, не зная, что сами скоро окажемся в роли добычи.

А всё начиналось с барахолки, не менее достопримечательного места Владивостока.

«Балка» находилась на «Луговой», куда приводили разные дороги и трамвайные маршруты. Японские автомобили были редкостью, что такое пробки, люди и понятия не имели, но в воскресенье все пространство от Трамвайной улицы до Горной, было залито людьми и машинами. Здесь всё продавалась и покупалась, китайские челноки с одноразовыми товарами встречались редко, больше было корейцев, прочно обосновавшихся в овощных рядах, ну и конечно моряков и рыбаков, посетивших загнивающие капстраны. Осо-

бым спросом пользовались сингапурские майки, японские магнитофоны, кроссовки и конечно джинсы. Это не литовское дерьмо типа «Мильтонс», за которым выстраивались очереди в универмагах, а настоящие американские джинсы, изрядно потолкавшись, мы с Гансом долго рассматривали это заграничное чудо в фирменном пакете, но цена в 120—150 рублей казалась очень далёкой.

Я не следил за модой, скорее инстинктивно чувствовал её, когда многие носили клёш и заказывали в модельных мастерских туфли на высокой платформе, я купил остроносые ботинки с небольшим каблуком на тонкой подошве и ходил в строгом костюме. Через полгода так одевалась продвинутая молодёжь Владивостока, добавляя к костюму очень тонкий галстук и выбривая виски.

Ганс одевался своеобразно, редко носил стандартные вещи, пиджак только с брюками другого цвета, если требовался галстук, то одевал бабочку.

В чём то мы были похожи: воспитывали нас матери без отцов, я неплохо играл в футбол и разыгрывал в волейболе, но всё забросил из-за частых переездов. Ганс бросил бокс и гимнастику, хотя мог добиться хороших результатов, у нас почти полностью отсутствовал музыкальный слух, что мы неоднократно доказывали, горланя, что то на вечеринках, любили группу «Pink Floyd» и не любили лишние вопросы и дешёвое панибратство.

Но Андрей обладал удивительным качеством, он ничего

не боялся, вернее всегда мог победить свой страх.

Зимой после новогодних праздников, мы засиделись в общежитии и уже собирались уходить, когда в коридоре раздались страшные удары и вопли, я вышел из комнаты и оцепенел от ужаса. В мою сторону двигался Федя Фирсов, размахивая здоровенными кулаками, сметая со стен плакаты и горшки с цветами, он барабанил в дверь, орал как раненый Кинг-Конг и двигался дальше. Четверокурсника Фёдора Фирсова знали все, он висел на доске почёта как отличник и призёр многих соревнований по десятиборью. Но, когда этот вундеркинд с плечами мамонта напивался, лучше быть в другом месте. Он никого не узнавал – поэтому никто и не вмешивался, даже комендант, закрывали двери и ждали, когда Федя, разбив, всё что возникало на его пути, спокойно засыпал в каком-нибудь углу, тащили в кровать, а утром он ничего не помнил и сожалел, если причинил кому то увечья.

Пока я стоял и соображал, что же делать, Ганс двинулся в его сторону, Федя стеклянными глазами обнаружил цель и нанёс мощный удар, Андрей уклонился и коротко ударил с левой руки, а потом со всей силы с правой и... Федя упал.

В наступившей тишине, стали медленно открываться двери и показываться изумлённые лица, потом подошли два третьекурсника с опаской осмотрели недвижимое тело, мне показалось что Кинг – Конг сейчас встанет и продолжит крушить всё вокруг, но Федя перевернулся на бок, что-то промычал и мирно захрапел.

Вчетвером мы с большим трудом дотащили его до кровати, потом вышли по улице, я был потрясён, это было как в сказке, когда Гулливер побеждает Великана, причем рецепт прост – нужно подавить страх, сохраняя ясность мысли, действовать быстро и решительно.

Я посмотрел на Андрея, он был спокоен как удав и рассказывал мне, как отличить настоящие джинсы от заграничного тряпья.

После посещения «балки» джинсы завладели нашими мыслями, я не страдал фетишизмом, просто качественная и красивая вещь всегда радует душу, подделка же приносит одни разочарования, когда ломается или рвётся в самый неподходящий момент.

И вот в конце мая, перед экзаменами Бобер пришел на занятия в новеньких джинсах. Ганс тут же отозвал его в сторонку и постоянно восторгаясь джинсами, задавал вопросы, суть которых сводилась к следующему – как такой тупоголовый спортсмен смог достать такую уникальную вещь.

Выяснилось – соседка по лестничной площадке, хорошая знакомая мамы, работает в «Альбатросе», закрытом магазине для моряков, побывавших за границей, туда и поступила партия американских джинсов, что даже для «Альбатроса» было редкостью, по цене 50 рублей чеками.

Я принялся уговаривать Саню, используя различные доводы, нажимая на совесть и взаимовыручку. Бобер сначала отнекивался, говорил, что не получится уговорить маму и

вдруг спросил:

— А мы что, будем одинаковые ходить, как в мореходке?

— Если бы в морском училище давали джинсы вместо формы, я бы здесь не учился! — сразу ответил Ганс и добавил, что не будет носить джинсы в техникуме.

— А я пообещал, что помогу Сане с экзаменом по английскому и понял, что попал в точку, Бобер утвердительно мотнул головой, с английским у него было сложно, всё, что он знал это — «Hände hoch* my baby *» и ещё пару таких прибауток.

Осталось найти деньги, причем как можно быстрее, Ганс предложил поработать в ночную смену в порту, там всегда найдется монотонная физическая работа.

Так разгружая баржи, сохранив остатки стипендии и выпросив немного денег у родителей, мы собрали нужную сумму.

Наступил долгожданный день, Бобер принёс джинсы, сразу же их примерив, мы рассматриваем заграничный лейбл, настоящий «Wrangler», да этот уродец «дядя СЕМ», может не только скалить зубы с глянцевых плакатов.

— Надо бы отметить! — замечает Бобер, мы радостно соглашаемся и направляемся в близлежащий магазинчик на Алеутской, покупаем португальский портвейн «Porto», алкаши и любители дешевизны расхватывают азербайджанский «Агдам» или «777» по 1р. 70 коп., это же чудо по три с половиной рубля почти никто не берет.

После стипендии или по праздникам мы часто заходим сюда, продавцы нас знают и продают эту пузатую бутылку с жидкостью, от которой приятно не только в голове, но и в желудке, без очереди, не спрашивая возраст.

Располагаемся на скамейке в парке, медленно потягиваем «Porto», обсуждая проходящие парочки и благодарим Саню, Бобёр успевает познакомиться с милой толстушкой –хохотушкой и отправляется провожать её домой, а мы с Андреем договариваемся сходить в «Приморье» на фильм «Горбун», с Жаном Марэ в главной роли.

В воскресенье, после фильма, мы идем по улице, Ганс всё ещё под впечатлением Жана Марэ, неназойливо пристаёт к девушкам с просьбой:

—Погладьте мой горб, только нежно...,— причём горб у него обнаруживается в разных местах.

Девчонки шарахаются в сторону и смеются, светит солнце, джинсы приятно облегают тело и от этого всего на душе беззаботно и легко.

Сворачиваем на Океанский проспект, не спеша останавливаемся около киоска с мороженым, покупаем эскимо и продолжаем наслаждаться жизнью.

К нам подходит подросток, лет десяти и довольно нагло просит денег.

—Может тебе ещё ключ от квартиры дать?— цитирует Остапа, Ганс.

—Ключ оставь себе, а мне денег дай! – настойчиво требует

шкет.

Ганс его разворачивает на 180 градусов и миролюбиво советуем обратиться к маме, мы продолжаем движение, эскимо, солнце, воскресенье – свобода и беззаботность. Проходя мимо арки, нас улыбаясь, подзывает рыжий пацан в кепке. Мы беспечно подходим, появляется шкет с долговязым хмурым парнем.

– Эти тебя обидели? – хрипло спрашивает он. Шкет охотно кивает.

– Не хорошо маленьких обижать! – сзади подходят два качка с клюшками для хоккея с мячом, перекрывая выход.

Нас начинают медленно оттеснять в глухой дворик, откуда показывается парень лет двадцати, со странными белесыми бровями, в белой майке и синих, поношенных рейтузах с вытянутыми коленками и играя «мойкой» изрекает:

– Проходите, проходите Ну рассказывайте, как до такой жизни докатились.

– Что нужно? – сухо спрашивает Ганс.

– Ты мне не хама, а то быстро звезду Бонивура на лбу вырежу! Джинсы вижу тебе жмут, а мне мои, что то велики стали, давай меняться? – предлагает урод в трико.

– Мне цвет не нравится, – тянет время Ганс.

Я понимаю, что доказывать здесь что-либо бесполезно, любой довод всё равно сведётся к фразе «Ты кого козлом назвал?», всё уже заранее продумано и спланировано, кто завлекает, кто бьёт, и кто штаны снимает. Да и силы явно

неравны, даже если удастся вырубить двоих, остальные не разбегутся, они уже почувствовали запах добычи и мало что их может остановить.

— Да что с ними разговаривать, Белый! ... Ты чё застыл, снимай штаны, папа ещё купит! — ко мне подбегает качок, размахивая клюшкой.

Такой клюшкой удобно делать подсечку, захватывая ногу и лупить ребром по голове, мысленно я представляю, как лежу в рейтузах с пробитой головой, кровь сочиться за воротник рубашки и стекает по позвоночнику в трусы...

Подкатывает струя страха, сжимая горло, вспоминается Аркаша со своими тапками, но я знаю, без боя не сдамся, я уверен, такие джинсы больше не достану.

— Пойдите ребята так дела не делаются, вы меня не знаете и даже не спросите кто, да зачем! — слышу незнакомый, с приблатнённой интонацией, голос Ганса.

— Ну и кто ты такой? — приставляя бритву к горлу, спрашивает белесый.

— Я племянник Кости Паровоза! Так что ты лезвие спрячь, я твою кличку знаю, да и рожа у тебя приметная, дяде несложно будет найти!

— Паровоз личность известная, а где он обитает, скажи ка мне, родственничек? — как будто издалека долетел до меня голос Белого, я почти уверен, что Ганс тянет время, и думаю только о том, как бы свалить качка и выхватить клюшку.

— В Уссурийске, — твердо заявляет Ганс, потом добавляет

ещё пару терминов и предлагает:

— А джинсы забирай, все равно потом сам на карачках при-
тащишь!

— Да ладно забудь, это я так ...пошутил, дяде привет! —
хлопая Ганса по плечу и складывая бритву, произносит бе-
лесый гопник.

— Пойдем, Слон.

Качок тупо моргнул глазами, махнул рукой, и вся компа-
ния также быстро как появилась, исчезла.

Мы вышли на улицу, купили ещё по мороженому, и дви-
нулись дальше.

— Ты откуда про «Паровоза» узнал?

— Да слышал в пельменной разговор за соседним столи-
ком, двое «синих», сплошь покрытые гравюрами, наливали
водку в стаканы, и пили «за здоровье Кости Паровоза и чтоб
вымерли все менты в Уссурийске».

Я подивился самообладанию Андрея и понял, как нам по-
везло, ведь могли без штанов остаться, о предполагаемых
травмах даже мысли не возникало, вот потеря джинс это на-
стоящая трагедия.

— Мне домашние тапочки, сразу вспомнились!

— Давай— ка к нему заглянем, поговорим, — задумчиво про-
изнес Ганс и мы направились к Аркашиному дому.

Воспоминание 4. Картошка.

После первого курса железный закон — все на картошку.

Никакие справки не принимались, если дышишь и мо-

жешь ходить – значит надо помочь колхозникам, да особенно никто и не косил.

Всех погрузили в автобусы и привезли в деревню Меркушевка, окружённую тайгой и картофельными полями.

После небольшого ремонта, наш отряд расселили в бараках заброшенного пионерского лагеря, на окраине деревни.

Отряд – это 2 группы радиоаэрологов, состоявшие наполовину из ребят и девочек, группа метеорологов – одни девочки и застенчивый очкарик Овсов, когда учителя входили в аудиторию, то они приветствовали класс: «Здравствуй-те девочки . . . и Саша!», все к нему относились доброжелательно и называли только по имени, его лошадиную фамилию, по-моему, никто и не помнил, и мы группа океанологов, как говорил Толя-Боря: «Океанологи – это космонавты морских глубин».

Не знаю как насчет космонавтов, но Бобер как только приехал, бросил вещи и тут же исчез в глубине зарослей конопли, да и наш рок ансамбль, Илья, Филин и Аркаша, любили улететь, накурившись дурман – травы, Филин почти сразу засыпал, но когда его будили, то утверждал, что не спит, а сочиняет песню, с закрытыми глазами, Аркаша рисовал какие-то нотные графики, верхняя октава – приход, нижняя – отход. А Илья пел романсы, которые исполнить в нормальном состоянии его невозможно было уговорить, мне нравился его проникновенный голос, как будто невидимая нить связывает тебя с великим прошлым страны.

Спали прямо на матрасах, с подушками без наволочек, в просторной комнате с двумя большими окнами, но дым не успевал уходить, в колхозе уже почти все начали курить, и хорошая сигарета ценилась дороже пачки печенья. Но если кто издавал шипящий звук и портил воздух, били подушками нещадно.

Наших девочек поселили у метеорологов и Ирина Павловская, староста группы, когда посещала нас, всегда удивлялась, как мы не задохнулись, от этой смеси анаши, табака и стоячих носков.

«Мы же космонавты», – доносилось сквозь туман.

Ирина всегда была рада помочь, причем не банально дать списать задачу, а присаживалась рядом и спрашивала:

– Саша, что тебе непонятно? – а Бобру уже само условие задачи было непонятно, он скучал, слушая её, гладил по коленке. Она поднимала свои лучистые глаза:

– Как тебе не стыдно, ... не отвлекайся, – и продолжала исправлять его спортивные мозги. Гена засыпал, под её голос, она ласково поправляя его растрёпанные волосы, спрашивала:

– Может тебе кофе?

В колхозе меня измучил ячмень на глазу, каким-то чудом она его заговорила и они у меня никогда больше не появлялись. А когда Илья, накурившись, перепутал окно с дверью, а все хохотали, видя это падение, Ирина так нежно и заботливо перевязала Илье ногу, что он готов был предложить ей

руку и сердце, да и не только он.

Она только улыбалась и была недосыгаема как Дева Мария.

Вторая девушка в нашей группе, Маргарита Кудрина, просто Марго – веселая, рыжеволосая, со спортивной фигурой, была как говорится «своим в доску парнем», она играла с нами в футбол, баскетбол, участвовала во всех соревнованиях, проводившихся в техникуме, с ней обо всем можно было поговорить, положив руку на плечо, она была открыта и честна, когда судья засуживал матч, Марго подходила и говорила об этом прямо в лицо, звонким и уверенным голосом, её вычёркивали из соревнований, объявляли выговоры на собраниях, издеваясь, называли «прапорщиком», но никогда она не обращалась за помощью к отцу, боевому генералу.

Если она приходила в наш барак, поговорить или поиграть на шелбаны в карты, то могла и уснуть у нас, но когда Бобёр схватился за её, будоражащую воображение, упругую, остроконечную грудь, она так дала ему поддых, что он сложился пополам и замер.

Марго испугалась и стала бегать вокруг него, причитая:

– Ой, что же делать, совсем не дышит!

– А ты дай пинка под зад, может, разогнётся и глотнёт воздуха! – хладнокровно посоветовал Аркаша.

Подъём начинался в восемь, медленно брели к умывальникам, потом садились завтракать. Метеоролог Саша как то сразу полюбил камбуз и выполнял функции повара, раздат-

чика и хлебореза, чистить картошку и помогать в уборке ему выделялся наряд из двух человек, который освобождался от работы в поле.

Завхозом и ответственным за продукты был учитель физкультуры Барсученко, который не докладывал мясу, о чём громко заявляла Марго, но все шишки сыпались на Сашу, и каждый третий грозился разбить ему очки или утопить в котле.

Но вопреки всему подходили после обеда или ужина, предлагали сигаретку и спрашивали о какой-нибудь девчонке из метеорологов, Саша отвечал неохотно и кратко:

— Не.. ты не в её вкусе. Но если покрасишь волосы и придёшь с «Варной» – шанс есть.

Хотя рассказать мог многое, так как заходил в комнату к девчонкам без стука, когда они переодевались, листая журналы, обсуждал с ними цвет помады и лака для ногтей, массажировал спину и настоятельно рекомендовал использовать презервативы, которые сам и продавал по завышенной цене.

В девять часов приезжали бортовые машины, в которых перевозили мешки с картошкой, открывался борт, втаскивали сбитые скамейки и машина наполнялась людьми. Через тридцать минут машины разгружались на бескрайних картофельных полях. Преподаватели расставляли девочек по двое на грядку и они, согнувшись, постепенно двигались вдаль.

Год был урожайным, картофеля было очень много, почти все его закапывали, либо когда уставали, не собирали во-

все. Преподаватели пытались устроить соцсоревнование, но твёрдых материальных стимулов не было, а висеть на доске почёта с радикулитом в шестнадцать лет, желающих было мало.

Но грядки Паши Дьячкова ставили всем в пример, он познакомился с такой же сознательной, марксистки подкованной студенткой и этот идейный тандем работал так дружно и слажено, что даже пожилые колхозницы удивлённо качали головой.

А когда метеорологи выбрали Таню Маер своим комсоргом – их счастью не было предела, как будто в гараже их ждала новая «Волга», спорили они только когда обсуждали работы Бухарина или Плеханова, никто не сомневался, что как только им стукнет восемнадцать – будет комсомольская свадьба.

Большинство ребят были зачислены в грузчики, часть работала на «току» в овощехранилище, остальные в поле.

Мы завязывали собранные мешки, собирали их в кучки, оттаскивали поближе к дороге и когда подъезжала машина, двое залезали наверх, остальные накидывали, чтобы мешки не вылезали из бортов. Пока не подъехала следующая машина, ребята помогали девчонкам, Бобёр исчезал в оврагах в поиске конопли, Ганс открывал книжку, а я валялся на солнце или шёл помогать Ирине с Марго.

Но в этот день я увидел собранный мешок на грядке Мальвины и решил подтащить его к дороге. Маша Костенко, Бо-

Бобёр окрестил её Мальвиной, была действительно красива, длинные золотые волосы, не знавшие гидропирита, спадали до плеч, высокая, стройная с красивым холодным лицом, она логичнее смотрелась на подиуме, чем на картофельном поле.

Я уже взвалил мешок на спину и собирался уходить, когда Маша посмотрела на меня волшебными голубыми глазами и тихо спросила:

— В субботу намечаются танцы, ...не хочешь зайти за мной?

Я едва не упал вместе с мешком и промямлил:

— Да... конечно, с удовольствием.

— Тогда до субботы! — она улыбнулась и поправила мешок на моей спине.

До ужина я проходил как оглушённый, автоматически двигаясь и закидывая мешки, всё размышляя, почему она выбрала меня, может это розыгрыш.

Бобёр это заметил и спросил:

— Костян, ты чё нашёл здоровый кусок гашиша и не поделился?

Ужин начинался в 19—00, но за столом народу собиралось немного, обычно на ужин была плавающая в бульоне, без тушёнки, надоевшая картошка, все группками разбрелись по окрестностям, захватив кружки и хлеб, потребляли домашние припасы или совершали набеги на деревенские сады и теплицы, хватали выбравшихся за ограду гусей и куриц.

Надо заметить хозяйства были крепкие – выращивали яблоки, сливы, виноград и даже арбузы, у всех теплицы и полный двор разгуливающей птицы, не редкость своя пасека.

Аэрологи выманили довольно упитанную свинью, Бобёр решительно помогал советами, поэтому всё было сделано и поделено быстро и тихо.

Саня умел ладить с животными.

Помню один двор, мимо которого невозможно было пройти, не взглянув на райские яблоки выглядывающие из-за высокого забора, с натянутой по краю колючей проволокой.

Яблоки манили, аппетитно переливались на солнце, и дом был расположен удобно – с одной стороны тихая дорога, с другой загораживал старый заброшенный склад, но по двору, без привязи, бегала здоровая, угрюмая собака. Кто её видел, утверждали, что это помесь кавказца с волком, слово «фу» и «нельзя» ей незнакомы, поэтому если ухватит за ногу – разорвёт в клочья.

Колхозники ложились спать рано, мы в это время выпивали первую бутылку плодово-ягодного вина, приходил кураж и появлялось неосознанное желание раскулачить какое-нибудь хозяйство.

Тут Бобёр и сообщил, что собирается опустошить оазис с колючей проволокой, ему никто не поверил, но он перевернув всю кухню, принес кусок мяса, выпросил у Васи барабанщика таблетки и делая ножом небольшие надрезы, стал упаковывать туда димедрол, зашивая белыми нитками. Под-

нялся галдёж, нас было человек семь, стали наперебой советовать и задавать вопросы:

_Зачем ты мешаешь димедрол с седуксеном? А ты знаешь дозу для собаки?

_Для верности надо поплевать, как на червя на рыбалке!

_Это уже передоз! От твоей слюны ни то, что собака, носорог с копыт упадет! – огрызался Бобёр, ловко работая ножом и иглой.

Он быстро сделал два небольших куска нашпигованные таблетками, чтобы собака могла их проглотить не разжевывая и мы реквизировав, у работавших неподалёку электриков, стремянку, захватив пакеты, , направились к саду. Разбились на группы, чтобы не привлекать излишнего внимания, – впереди Марго с лестницей, подостлав, мы с Гансом, следующая тройка двинулась другой дорогой.

Встретились у заброшенного склада, Бобер подошел к забору, собака зарычала, он перекинул кусок мяса, послышалось чавканье и снова рычание. Бобёр кинул второй кусок и отошёл к нам, в тень склада.

_Будем ждать. Не курить!

Было около полуночи, луна светила в полную силу, где-то вдалеке слышались пьяные голоса, лай собак, потом всё стихло.

Через одному ему известный промежуток времени, Вася вообще сомневался, что таблетки подействуют, Бобёр приставил лестницу как можно ближе к затенённому углу забро-

ра, аккуратно разрезал плоскогубцами проволоку и прыгнул во двор.

Хруста челюстей не последовало и мы стали перелезать через забор, расставив захваченные около склада пустые ящики. Вася и Марго остались за забором принимать пакеты с яблоками и следить за обстановкой. Ганс и Бобёр забрались на яблони, я остался внизу принимать пакеты, а аэролог по кличке Джонни расставил ящики с внутренней стороны забора, отогнул мешающую проволоку, подготовив отход, и заинтересовался теплицей с помидорами.

Зверь лежал метрах в трёх от меня, присмотревшись я обнаружил второй кусок мяса, и сообщаю об этом Сане, передающему мне пакет с яблоками.

В этот момент лохматое чудовище мотнула головой и резко засучила лапами.

Я застыл, боясь, пошевелится.

— Не ссы! Таблетки верные! Смотри прямо, как Вася барабанными палочками машет, — успокоил Бобёр и принялся нагружать яблоки в новый пакет.

Через полчаса мы возвращались в лагерь, поедая изумительные яблоки и очень вкусные мясистые помидоры...

Оставшиеся после набегов яблоки, обычно появлялись на утреннем столе, преподаватели сначала пытались выяснить, откуда яблоки, но неизменно получали ответ: «добрые колхозники угостили» и вопросы прекратились.

Попробовав утром этих сочных, райских яблок, Барсу-

ченко высказал мысль, что такие и закупить можно.

— Выделите деньги, я куплю, витамины отряду не помещают! — моментально отреагировал Бобёр. Но учитель физкультуры промолчал, деньги он и сам знал, как потратить.

Сегодня вечером мы решили сходить на ужин, съесть Сашино рагу, причём Илья обещал, что если вместо мяса опять будут жуки, он наденет миску Саше на голову. Я был занят мыслями о Маше, Ганс хотел посмотреть зрелище, как слипшиеся жуки с остатками рагу, сползают по запотевшим очкам, Гене было все равно куда идти, он сочинял песню, временами ударяя по струнам.

Появившийся Бобер с объемным кулем под мышкой, нарушил планы.

Он развернул кулёк, достал трофейную свиную ляжку, килограммов пять—шесть и радостным голосом произнёс:

— Настоящее мясо! Таким куском не то, что накормить, убить можно!

Мы с Гансом отправились за вином, Гена на кухню, за хлебом и солью, а Бобёр с Ильёй потащили мясо в лес.

Литровая банка медовухи, деревенской браги настоящей на меду, стоила рубль, но когда Ганс был в ударе, он провозглашал международный студенческий день или моё день рождения, пятое в этом месяце, будь я постарше он непременно сообщил бы, что у меня родился сын, и растроганные колхозницы продавали нам за рубль двух, а то и трёхлитровую банку.

Мясо жарили на уютной полянке, отгороженной от деревни небольшим пролеском, справа метрах в двадцати, журчала речка.

Летом, в жару, она основательно мелела и вода была немного выше щиколотки, редко доходя до колена, оставаясь теплой и прозрачной. Днём, обычно в воскресенье, мы с Андреем, укладывались спиной на дно реки, отшлифованная галька приятно покалывала, вода почти полностью покрывала тело, курили, кусали яблоки и молча смотрели в безоблачное синее небо.

Когда мы пришли на полянку, компания уже значительно увеличилась, Бобёр галантно угощал девочек мясом на проволоке, кто то ещё принес вина, я выпил медовой настойки, съел порцию свиньи и растянулся на траве.

Илья негромко, перебирая струны, запел:

«Летят перелетные птицы в осенней дали голубой,
летят они в жаркие страны, а я остаюсь с тобой...»

Мне вспомнился дом, мама, кокетливо улыбнулась Мальвина, помахала рукой и я заснул.

Утром, по баракам ходил сам начальник лагеря, преподаватель геодезии, Пётр Павлович, по прозвищу «Троцкий», за его учтивость, козлиную бородку и неизменную трость, всех будил и приглашал на построение.

Когда весь лагерь был построен, Троцкий прохаживаясь вдоль рядов, помахивая тростью, с серьезным серебряным набалдашником, представил широколицего, мрачного кол-

хозника:

— Вот Семён Петрович, говорит вчера у него пропала племенная свинья.

Кто желает помочь или что— либо сообщить по этому поводу?

— Может она в речке утонула или волки загрызли,— раздалось из толпы.

Семён Петрович подошёл поближе, смачно сплюнул и сказал:

— Здесь волка двадцать лет назад видели и то километров сто отсюда. Вот что, хищники, если кого увижу рядом со своим садом, картечь не пожалею, лучше обходите стороной.

Преподаватели после этого недружелюбно поглядывали на яблоки за столом и набегии на сады сократились.

Наступила суббота, наших рок звёзд освободили от работы и мы с Бобром увязались им помогать готовить помещение к танцам. Довольно быстро мы расставили стулья по краям зала, образовав просторную танцплощадку. Аркаша приступил к настройке аппаратуры, Вася изучал барабаны, в клубе были обнаружены ударная установка и большой чёрный рояль, Гена задремал, поглаживая медиатором струны, Илья пригласил девочку с аэрологического и они мучили рояль.

Вскоре с настройкой было покончено и приступили к репетиции. Репертуар состоял в основном из хитов групп Beatles, Smokie, Deep Purple, но у каждого были свои люби-

мые группы. Гена любил исполнять песни «Машины Времени», Илья – баллады «Urian Неер», Аркаша Лисин «Лодку на реке» «Стикса», но и конечно песни собственного сочинения, некая смесь «Плачет девочка в автомате» и «Я работаю в аптеке, продаю гандонов пачку».

Мы с Саней, сели поближе и приготовились слушать.

Но сегодня что– то не ладилось, возможно из-за рояля, все громко спорили и ударяли по струнам, только Вася молча жевал таблетки.

Бобёр не выдержал и крикнул:

– Вы как персонажи басни – Филин, Лис и Щука, вот только не пойму кого мне Вася напоминает, может Ворону, проглотившую сыр.

Илья и вправду, когда злился, был похож на щуку. В ответ в Бобра полетели барабанные палочки, но споры затихли и процесс пошёл.

В субботу после обеда в поле не работали, обычно занимались банно-прачечными делами или загорали, но сегодня Троцкий уговорил завклубом устроить вечер танцев, ребята уже всю репетировали, поэтому в лагере царило оживление, хлопали двери, кругом стоял гул, народ, что то искал, чистил и гладил.

Ганс сидел, под навесом, за длинным обеденным столом и лениво навешивал шелбаны приземлявшимся черным жукам. Я присел рядом. Жуки отлетали метра на два, пытались взлететь, кувыркались и штопором врезались в землю. Мне

хотелось узнать с кем он идет на танцы, поговорить о Маше, ведь за ней толпой ходили поклонники, а Аркаша посвятил ей песню и наверняка собирается исполнить на танцах.

Но подошёл Бобёр и стал выпрашивать у Ганса австралийскую майку с изображением двух огромных, спаривающихся жаб и надписью на спине, на английском: «Хотите погорячей – заходите в наш бордель».

– Ты поди рубашку с бабочкой оденешь, а я хочу деревенскую красавицу поразить!

– Лучше бы, какое–нибудь лирическое стихотворение прочитал, – вяло произнес Андрей, катапультировав очередного жука.

– Это пусть наш комсорг «Песню о буреизвестнике» нашёптывает, а мне в такой майке и говорить ничего не надо.

Они ушли, а я подумал, что лучшее лекарство от душевных терзаний это сон и стал прикидывать, где лучше это сделать.

Проснулся я около семи, умылся, надел джинсы, белую майку и двинулся к метеорологам. Заходить постеснялся, решил позвать через окно.

Подтянулся и прилёг на подоконник, раздался визг и мимо меня пролетела чья-то обувь.

Маши не обнаружил, зато увидел Сашу, покрывающего перламутровым лаком женские пальцы.

– Где Маша?

– В учительской, – на секунду отвлёкся юный Юдашкин и

тактично спросил:

— Презервативы не нужны?

Барак, где жили преподаватели, находился чуть в стороне от основного лагеря, в нём был туалет, что то вроде душа и три отдельных небольших комнаты.

Еще не подойдя к бараку, я увидел Машу, она мне улыбнулась, помахала рукой и пошла навстречу. Маша была пугающе красива, мы шли по лагерю, она на полголовы выше меня в белом воздушном платье, смеялась и что-то рассказывала, а я как оловянный солдатик, скованно шагал рядом, спотыкался, не знал, куда деть руки. Мне показалось, что в лагере внезапно наступила тишина, все смотрят на нас и думают – вот идёт принцесса, а рядом какой то бродячий пёс.

Так мы дошли до сельмага и я сообразил, что принцессы тоже пьют вино.

Сварливая продавщица, с химией на голове и с массивными бусами на шее, обычно не отпускала нам алкоголь, как бы её не уговаривали, но тут без слов продала бутылку смородинового вина и плитку шоколада. Красота – великая сила, действует даже на хмурых, сельских продавщиц.

Засунув бутылку в бумажный пакет, мы зашли в клуб – яркий свет и музыка обрушились на нас, кругом кучками танцевал народ, но места ещё были.

Мы медленно прошли через весь зал, я помахал ребятам, заметил как у Аркаши выпал из рук медиатор, и присели напротив входа.

Музыка затихла, музыканты взяли перерыв.

К нам подошел Гена, я познакомил его с Машей, мы перебросились парой фраз, он спросил какую песню для неё сыграть, красота подействовала и на спящего Филина, она попросила «What can i do».

Чуть погодя в зал вошёл Ганс.

Андрей был одет в тёмный пиджак, белую рубашку с какими то кружевами, узкие брюки бордового цвета и ярко желтые сандалии, весь наряд завершала чёрная бабочка.

Мне нравилась, когда Ганс приходил на занятия в войлочных ботах «прощай молодость» или в красной китайской рубашке с вышитыми желтыми драконами, потому что сам не смог бы одеть что то клоунское или эксцентричное, а Андрей спокойно шел по улице в брюках в крупную черно-белую полоску, не обращая внимание на удивление и смех за спиной.

Только, если Бобёр просил:

— Ганс, мы же в моём родном районе, на Нерчинской, тут все хулиганы меня знают, сними этот идиотский берет с красным бумбончиком.

Андрей снимал берет и качал головой:

— Тёмный ты Саня, я этот головной убор в порту, у французского моряка, на три пачки папирос еле выменял.

Андрей увидел меня, поклонился Маше и сел рядом.

В клубе произошёл небольшой шок, появившись приведение, это вызвало бы меньший интерес, в воздухе повисла тишина, наверное, весь зал рассматривал Андрея.

На фоне лимонных рубаш деревенских парней и брюк заправленных в сапоги, он смотрелся ,мягко говоря странно.

Ганс с хрустом, достал из пакета шоколад и угостив меня и Машу, занялся его поглощением, с улыбкой осматривая зал.

Тут грянул «Speedking» и толпа пришла в движение, мы тоже образовали кружок и задвигались под ритмы автострад. Станцевав ещё пару раз, под увлекательные песни «Машинистов», присели отдохнуть.

Гена подошел к микрофону и объявил:

– Для прекрасной девушки Маши и группы метеорологов звучит песня ансамбля «Смоки».

Я пригласил Машу на танец, обхватил талию, почувствовал тепло и близость хрупкого тела, кровь забурлила и застучала в висках, сознание расплылось, я не замечал кружащихся рядом пар, взгляды зрителей, волнующее чувство охватило меня.

Крис Норман, голосом Гены, уже закончил песню, а мы всё ещё стояли не двигаясь с места, чтобы нарушить смятение, я предложил прогуляться, Маша утвердительно кивнула, взяв у Ганса пиджак и пакет с вином, вышли на улицу.

Чем дальше мы удалялись от клуба, тем сильнее звенели цикады, стрекотали кузнечики, запахи сена и яблочных садов кружили голову – тёплый сентябрьский вечер принимал нас в свои объятия. В мерцающем лунном свете, я увидел лавочку у палисадника и мы присели.

Накинул Маше на плечи пиджак, она прижалась ко мне и

поцеловала. Сердце выпрыгнуло из груди, радость и восторг наполнили душу.

Мы целовались, не останавливаясь, зажёбываясь от чувств.

Потом она положила голову мне на плечо, я обнял её, откинулся на палисадник и вспомнил о вине. Я уже собирался открыть бутылку и дальше радоваться чудесному, волшебному вечеру, как вдруг услышал в летней благоухающей тишине пронзительный крик Бобра:

— Наших бьют! Козлы деревенские!

Бобёр познакомился с местной девчонкой, видно майка всё-таки сработала, а когда вышел с ней на улицу, его атаковали двое пацанов с кольями.

Он вырвал у одного дубину и попытался отогнать второго, но тут со всех сторон стали подтягиваться деревенские и ему ничего не оставалось, как воспользоваться сигналом международной помощи.

Когда я подбежал, рядом с Бобром уже стоял Ганс с палкой в руке, в своей странной кружевной рубашке, с бабочкой, он был похож на дирижёра, только палочка была поуевсистей.

Я встал рядом, держа бутылку как гранату. Кольцо постепенно сжималось.

С криком: «Бей городских фраеров», — бой начался.

Я кинул в толпу плодово-ягодную гранату и стал бить и пинать всё, что оказывалось рядом. Тишина нарушилась уда-

рами и криками, Ганс сломал палку о чью то голову, Бобер грозно крича, размахивал дубиной над головой, жабы раскачивались на его груди.

Кто-то вонзил мне под лопатку штакетину со здоровым гвоздём и Андрей, вытаскивая гвоздь, предупредил: « Береги силы... давай встанем спина к спине.. не отходи далеко!».

Я отдышался, боль не чувствовалась, только левая рука плохо двигалась.

Краем глаза я заметил, подбегающего Джонни с аэрологами, из клуба выбежал Аркаша с гитарой. Силы начали выравниваться, но деревенские не отступили, драка разрасталась с новой силой, в ход пошли цепи, мелькали бляхи.

Передо мной возникла курчавая голова с носом – картофелиной и я прицельно ударил правой, в переносицу. Парень упал, взмахнув руками и на землю выпал серебристый, увесистый кастет.

Я сделал шаг, нагнулся за кастетом и последнее что увидел, перед тем как отключится, здоровый кирзовый сапог.

Окончательно пришёл в себя я уже в бараке. Рядом сидел Ганс, с набухшим глазом, и курил папиросу. Бобёр недоумённо смотрел на разорванную пополам майку, жабы больше не совокуплялись, а одиноко смотрели по сторонам.

— Да выкинь ты эту майку, скажи, зачем, ты за деревенской увязался? Что наши девчонки уже не устраивают?— спросил Ганс, передовая папиросу.

— Ты, Андрюха, хоть и образованный парень, а в любви ни-

чего не понимаешь, – затыгиваясь, глубокомысленно изрёк Бобёр.

– Да где уж мне, давай лучше у Костяна спросим, как он принцессу околдовал. Она, кстати, помогала тебя тащить.

Я ничего не ответил, немного ныла челюсть, посмотрел на Аркашу, пытающегося склеить разбитую «Кремону», затынулся и заснул крепким сном счастливого человека.

Утром за завтраком лагерь напоминал военно-полевой госпиталь. Кругом хромали, мелькали забинтованные лица, Ганс щурился лиловым глазом, местный фельдшер промыла и перевязала мне лопатку, рука двигалась, но есть я не мог, всё ещё ныла челюсть.

Слегка поцарапанный, но полностью целый Бобёр, рассказывал окружившим его девчонкам подробности боя.

Оказывается, драку остановил прибежавший с преподавателями, Троцкий, он долго уговаривал, потом забыв про учтивость, с диким воплем саданул пару раз серебряным набалдашником, и все стали расходиться.

Воскресенье – законный выходной и инвалиды, после завтрака, разбрелись кто куда, я направился к Маше.

Девчонкам завезли железные койки, кругом висели плакаты, на окнах шторы, в комнате было чисто и по женски уютно.

Маша тихо спала, разбросав льняные волосы по подушке. Можно было долго любоваться этой утренней, безмятежной красотой, но тут вошла Катя Маер и стала толи жалеть, толи

упрекать меня, вспоминая о чести и совести нашей эпохи, потом пообещала разобрать эту драку на комсомольском собрании.

Я попросил её не кричать, оставить свои речёвки до собрания, и чтобы не разбудить Машу, вышел.

Ганса в комнате не оказалось, Бобёр давно уже трудился на плантации, Аркаша спал, а Илья с Геной упорно играли в карты, покрасневший лоб явно мешал Филину заснуть, он хотел отыграться, но удача была на стороне Ильи, он безжалостно сотрясал лоб Филина, приговаривая:

— Это всего лишь игра, Гена.

Надвигался жаркий полдень, спать было бессмысленно и я надев, чью то панаму, решил побродить по деревне.

— Эй, паренёк, ты чоё то такой раненый?— окликнула меня, из-за забора, женщина в платке и цветастом ситцевом халате.

— Да вот деревенские хулиганы сзади напали и руку сломали! — отвечаю, морщась от боли, пытаюсь разжалобить добросердечную колхозницу.

— Ну иди, касатик, угощу тебя холодным молочком!

Милые, русские женщины земля была бы без Вас пустыня и глуха.

Выпиваю почти всю кринку, благодарю и иду дальше.

В тени огромного клёна, на скамейке, замечаю Андрея, оживлённо беседующего с седым благообразным стариком.

— Вот познакомься, Иван Трофимович, у Колчака служил!

Ганс постоянно читает редкие исторические книжки, особенно по истории России. Если бы ему разрешили высказаться на лекциях по истории, учителей увезла бы «скорая» с диагнозом – обширный инфаркт. Для Андрея Чапаев и Лазо – герои, Тухачевский – каратель, Ленин – это умная еврейская сволочь, но убили его зря, а Колчак – это эталон мужества и веры.

— А это Костя, ...его дед у Деникина служил!– чтобы старик не волновался, представил меня Андрей.

— У Антона Ивановича?– серые глаза старика, наполнились теплотой.

Я утвердительно кивнул, хотя мой дед скорее бил Деникина, но нарушать идейную идиллию не хотелось.

Они около получаса обсуждали превратности судьбы Колчака и всей гражданской войны, потом Иван Трофимович предложил:

— Надо бы мне пасеку на новое место перенести!

И добавил, косясь на моё перебинтованное плечо:

— Но Вам, двоим, не справится, надо человек шесть, с меня медовуха пейте, пока не надоест, хоть всю ночь.

Предложение было с радостью принято, и мы договорились через три часа быть у него. Илья с Геной согласились сразу, Аркаша, проснувшись никак не мог сообразить, за что столько медовухи дают, в согласии Бобра никто и не сомневался, оставалось его найти.

Никого не интересовало, сколько ульев надо перенести

или способы защиты от пчёл, все прикидывали, сколько медухи можно выпить за ночь.

Появившись через час, выслушав Андрея, Бобёр озадачил вопросом:

— А как насчет закуски? Без закуски много не выпьешь, изжога замучает.

— Ну..., человек порядочный, думаю, закуска будет, — неуверенно ответил Ганс.

Захватив на всякий случай на кухне буханку хлеба, мы направились к старику.

Дед уже ждал нас, поздоровался и пригласил в дом, разлил в стаканчики медовую жидкость, сказал «С Богом!», выпили, залезли на телегу, запряжённую ломовым, гнедым меринном и тронулись в путь.

Пасека была у колчаковца большая, и перенести её надо было почти на километр, через дорогу, поближе к гречишным полям.

Дед обдал нас дымом, выдал перчатки и мы, накрыв простышкой, начали переносить ульи на телегу. Уложив и их на телеге, дед дёргал поводья и телега медленно катила по траве, а мы шли рядом придерживая ульи.

На новом месте разгружали, несли по двое, осторожно, стараясь не потревожить улей, но пчёлы— охранники всё равно вылетали, угрожающе кружили вокруг и вонзались в тело и руки.

Таких переходов было четыре, а может больше, сначала

прыгали и кричали после каждого укуса, потом привыкли и стиснув зубы тащили ульи на новое место. Илья после третьего укуса, хотел послать всё к ёба... колчаковской бабушке, под рифму:

«Я так инвалидом стану,
рука по грифу скользить перестанет
и Трофимыч медовуху не поставит».

Но Гена молча потащил улей один, и Илье ничего не оставалась, как помочь ему. Закончили всё поздно вечером, утомлённые, но довольные, от того что дело сделано, и впереди радостная пирушка.

Когда приехали домой, старик смазал нам укусы каким-то раствором, выкатил сорока литровый бидон медовухи, нарезал колбаски и сказал:

_Отдыхайте, а мне еще по хозяйству надо, старуха в город уехала, попозже к Вам присоединюсь.

_Вот это я понимаю ...тара! – Бобёр уважительно похлопал бидон.

_Командовать парадом буду я! – и зачерпнул ковшиком.

Распухшие руки потянулись к кружкам, первую выпили залпом, вторую «за здоровье старика», третью – за чудный вечер.

Передохнули, покурили и полились воспоминания про пчёл, колхоз и всё на свете.

Так мы орали, пили и курили, приходил дед, улыбался, подрезал колбаски выпивал с нами и снова уходил.

Время замедлило свой бег, оно бежало там снаружи, а здесь шло согласно наполнению кружек, сливаясь со смехом и дымом сигарет.

Потом Бобёр заговорил о девчонках, кровь заиграла и спустя какое то время, все потянулись к выходу.

Сознание было довольно ясным, а ноги не двигались.

Илья с Геной вышли на улицу, поддерживая друг друга и запели:

— Врагу не сдаётся наш грозный «Варяг»,— и рухнули в траву, потом поднялись, сделали шаг и смеясь, упали вновь.

Постепенно все стали пропадать из поля зрения.

Поздняя ночь встречала тишиной и прохладой. Луна, почему то светила сверху, справа и слева.

Я прошел немного, сел на скамейку и время окончательно остановилось.

Проснулся я от того, что кто— то тряс меня и бил по щекам, тишина исчезла, вместе с луной, утренний холодок сковал тело, рядом кудахтали куры.

С трудом приоткрыл веки, увидел Машу, плывущее лицо Барсученко, ещё ряд незнакомых лиц, голоса долетали обрывками фраз и я закрыл глаза.

Оказывается из за нас были сорваны работы, нас начали искать, первыми нашли Илью с Геной, они не дошли метров сто до лагеря и упали в небольшой стог сена около околицы, потом был обнаружен Бобёр, он единственный, кто добрался до лагеря, но уснул в женской сушилке, закрыв дверь на за-

мок. Утром девчонки пошли в сушилку, сначала подумали, что замок сломан, но потом услышали возню внутри сушилки, долго стучали и кричали, но ответа не последовало.

Когда дверь была взломана, увидели Бобракова, сладко спавшего среди чулков и комбинаций. Затем нашли меня на скамейке и когда уже тащили в лагерь, подошла старушка и сказала, что у неё в сарае кто-то спит, это был Аркаша. Нас сложили в бараке, но народ не расходился, с любопытством рассматривая изувеченные пьянством лица, Паша Дьячков читал лекцию о влиянии алкоголя на юношеский организм.

Потом все уехали в поле.

Ганс последним вышел из горницы и не сделав двух шагов упал в огород, заботливый колчаковец уложил его в холодной бане, а утром отпоив настойками, почти трезвого проводил до лагеря. Он даже попытался позавтракать, а потом поработать, но после обеда украдкой пронёс нам от Трофимыча баночку медовухи и сообщил:

— Плохи дела, Троцкий ходит злой как черт, комсомольский актив поддакивает, хотят выгнать из колхоза, а это равнозначно отчислению из техникума.

— Может зажать Дьячка, в тёмном углу, да как следует потрясти головой об стенку, — все ещё заплетающимся голосом предложил Бобёр.

— Не поможет! Он за свои убеждения не то, что нас, отца с работы выгонит, — уверенно сказал Аркаша.

Оживление, вызванное баночкой медовухи, сразу про-

шло.

Все как то загрустили.

Вечером состоялось собрание. В президиуме, за столом накрытым красным полотном, грозно возвышался Троцкий, рядом преподаватели.

Нас, пятерых, посадили на отдельную лавочку и процесс начался.

Первыми выступали комсомольские активисты и говорили о том, что валяться пьяными около заборов и в канавах это позор не только нашего отряда, но и комсомола в целом. Потом начали раздаваться слабые голоса с задних рядов, о том, что мы не совсем потеряны для общества.

В переломный момент, Ганс вышел к президиуму и произнёс речь:

— Они как настоящие комсомольцы помогли старому человеку перенести пасеку, трудились до позднего вечера!... Я могу его сюда пригласить, он подтвердит. А потом уставшие, выпили лишнюю кружку, что и привело к трагическим последствиям.

Поднялась Ирина Павловская и сказала, что она, как староста группы, усилит за нами контроль и надеется, что такого больше не случится.

Преподаватели стали совещаться.

Слово взял Барсученко и сказал следующее:

— Предлагаю их наказать физическим трудом. Пусть каждый день убирают территорию от мусора, а вечером после

работ в поле, в течение пяти дней чистят картошку, каждый по сорока литровому баку, тогда у нас на завтрак вместо каши будет картофельное пюре».

В заключение, Троцкий вежливо скомандовал:

— Встаньте! Вам всё ясно? Вы согласны?

Конечно, мы были согласны, каждый мысленно уже пытался объяснить родителям, почему его выгнали из техникума.

Убирать территорию было стыдно и муторно, но потом Бобёр притащил из магазина ящики, расставил их по всему лагерю, вместо урн и оборудовал специальные места для курения. А с картошкой мы просиживали до позднего вечера, глаза слипались, нож вылетал из разбухших рук, огромные баки медленно наполнялись. Барсученко следил, чтобы нам никто не помогал, и не было глазков.

Мне до сих пор, иногда снятся эти алюминиевые баки, заполненные до краёв чистой картошкой.

Воспоминание 5. Первая любовь.

В один из обычных декабрьских дней, в четверг, мы сидели с Гансом в столовой и молча поедали жареную навагу, синхронно выплёвывая кости.

Спецпредметов значительно прибавилось, увеличилось количество лекций и семинаров, грудой лежали недоделанные лабораторные работы и курсовики, приближалась зачётная неделя. Всё это не радовало и вызывало тихую грусть.

Хлопок по спине, отвлёк меня от мрачных мыслей, я чуть

не подавился.

_Приятного аппетита!— Марго, сметая крошки села рядом и поинтересовалась:

_Неужели вкусно?

_Выбора нет — рыбный день, даже в компоте водоросли плавают,— Андрей аккуратно вытащил из стакана обрывок верёвки.

_Скоро Новый год! Надо организовать вечеринку у Аркаши, посидим дружно всей группой, можно своих подруг и друзей пригласить!

_Костя поговори с ним, — Марго сама всё решила за Аркашу, мне осталось только сообщить ему точную дату и время.

Я не удивился, меня часто просили, с кем-нибудь поговорить, отпустить наших музыкантов на репетицию, узнать в профкоме о новых поступлениях билетов или лишних талонах, разъяснить что то комсомольским активистам.

Помню Пашу Дьячкова отправили к комсомольскому лидеру техникума, чтобы он попросил его, пораньше отпустить нас с демонстрации, заранее придумали причины, но Паша в разговоре с лидером только бодро отвечал «Есть», в итоге мы тащили кучу транспарантов и когда демонстрация закончилась, ещё долгое время искали куда их отдать. Даже Ирина Павловская, хотя решать вопросы с преподавателями было её задачей, подходила ко мне и просила:

_Поговори с Марией Николаевной, может она перенесёт свою практику по геодезии на понедельник, а то свободное

окно образуется.

В принципе мне было не трудно, и я редко отказывал, преподаватели были в основном женщины, надо только сорвать с клумбы гвоздику, выбрать подходящий момент, сказать простой комплимент: «Как хорошо вы сегодня выглядите» и не запинаясь и не заискивая кратко изложить просьбу, иногда добавить: «Что за кучи учебников, давайте я Вам помогу», если это комсомольская активистка в стандартной белой блузке и плиссированной юбке, то хватит сравнения – «Вы как Анжела Девис... или Роза Люксембург» и вопрос быстро решался.

— И мы увидим твоего избранника?— Ганс перестал жевать рыбу, с интересом взглянул на Марго.

— И не надейтесь! Вы же на нём живого места не оставите, рассматривая его член и бицепсы.

— Я тебя прошу, — Марго ещё раз хлопнула меня по спине, я выплюнул кость, и играя ягодицами, удалилась.

Ганс допил компот и улыбаясь произнёс:

— Кстати, у меня к тебе тоже есть просьба. Познакомь меня с одной загадочной девушкой.

Аппетит окончательно пропал, и я отложил вилку:

— Она хоть у нас учится?

— Да, завтра я тебе её покажу, и мы придумаем план действий.

Андрей не был обделён женским вниманием, но разговаривал с ними как то высокомерно, постоянно подшучивая и

выискивая недостатки. Девчонки закономерно обижались и уходили.

«Он над ними издевался, ну сумасшедший, что возмёшь!» – почти верно цитировал Высоцкого в таких случаях Бобёр.

После занятий мы шли вместе с Аркашей, разговаривали о новых песнях «Вопей М», когда разговор зашел о предстоящем новогоднем вечере, я вспомнил просьбу Марго:

— Может, потом у тебя соберёмся, отметим праздник всей группой или пригласим девчонок?

Аркаша задумался, а потом спросил:

— А как у тебя с Машей?

— Да никак, – коротко ответил я.

И это было правдой.

После картошки, мы несколько раз встречались, пробегая мимо, говорили пару слов и куда то дальше спешили, мне казалось она расстроилась, таская меня ничего не соображающего и пьяного. Потом мы нос к носу столкнулись в раздевалке, заговорили об уроках и домашних заданиях, я понял, что надо проявить инициативу, предложить сходить в кино или погулять в парке, но язык нёс какую-то чепуху, мы попрощались и я почувствовал, как ниточка, связывающая нас, оборвалась.

— Может мне пригласить её, – неуверенно произнёс Аркаша.

— Решай сам, ...на мой взгляд, затея бесполезная, у неё ка-

валеров больше, чем у тебя песен в репертуаре,— я уже был не рад заведённому разговору.

— Ну что, собираться будем?

— Почему бы и нет.

Мы попрощались, и я пошёл в общежитие.

Общежитие находилось недалеко, на Авроровской, в пятиэтажном кирпичном здании.

На первом этаже располагался читальный зал, буфет и ленинская комната. На втором — апартаменты коменданта, малосемейки преподавателей и фотолаборатория. На третьем и четвёртом этаже жили девочки, на пятом — ребята.

Записался на вахте и поднялся в комнату к ребятам.

Там уже сидел Бобёр, взобравшись на подоконник, и курил папиросу.

Ганс с Ботвиником играли в шахматы. Витя Белов, застенчивый коренастый парень, бывший самбист, учился крайне плохо, тройка была его любимая оценка, поэтому стипендию никогда не получал, но как не странно, очень хорошо играл в шахматы, зарабатывая игрой на жизнь.

В общежитии ему не было равных и он, прихватив доску, отправлялся на прогулку в парк. Вася напоминал деревенского паренька, с оттопыренными ушами, пытающегося научиться игре в гольф, пенсионеры охотно с ним знакомились и садились играть, в общежитие он возвращался, когда уже совсем темнело.

Меньше, чем трёшка за партию он не играл, и при удач-

ном раскладе стипендия набиралась за несколько прогулок.

У него была своеобразная манера игры. Он быстро начинал дебют, потом очень долго думал над каждым ходом, а в конце игры молниеносно передвигал фигуры.

Ганс нервничал и кричал:

— Ботвинник, ты что уснул? Если бы здесь были часы, ты бы уже проиграл по времени.

Витя спокойно отвечал, ломким басом:

— Андрюха мы же не на чемпионате, дай подумать. Если я выиграю, могу тебе рубль простить.

С Гансом он играл по льготной ставке — 2 рубля.

Бобёр докурил папиросу, посмотрел на меня и сказал:

— Видел Зайчика, передавала тебе привет!

Марина училась на четвёртом курсе, подрабатывала в свободное время на кафедре истории КПСС и жила в общежитии, когда я приходил к ребятам, то всегда надеялся ещё раз увидеть её, настроение сразу поднималось, наверное, я часами мог просто смотреть на неё.

Как то мы, с Бобром, зашли к ней за конспектами, на кафедру, и он назвал её Зайчиком, так и сказал, когда мы вышли: «Какой милый зайчик», может из-за короткой стрижки и круглого овала лица или зелёных искрящихся глаз и бело-снежной улыбки.

Где бы я её не встретил, она всегда была открыта и счастлива, останавливалась, приветливо спрашивала «Как дела?», разговаривая с нею, я чувствовал прилив жизненных сил,

она как солнечный зайчик будила в душе радостные чувства, всё вокруг начинало сиять и петь.

— Пойду, схожу в буфет,— я решил заглянуть к Марине, хотя никогда раньше этого не делал.

— Купи булочек, мы успеем чай попить, пока этот «быстрый олень» думает»,— сказал, позевывая Андрей, глядя на Ботвиника, который склонился над доской, накручивая пальцами пышную шевелюру.

Бобёр, поглаживая живот, заказал пару-тройку беляшей.

Однажды после вечера танцев в городском парке, я остался ночевать у Сани, мама уехала к знакомым, приготовив примерно четыре десятка сытных пирожков с печёнкой.

Накурившись, мы болтали и слушали музыку, затем Бобёр почесал пузо и сказал:

— Похоже «яма» открылась, пойдём на кухню я там вроде пирожки видел.

Утром приехала мама и долго удивлялась не обнаружив пирожков:

— Я думала, мы всей семьёй несколько дней есть будем.

Потом когда я бывал у них, она незлобно шутила:

— Ну, ребята, садитесь, пообедайте, я там котёл щей наварила, отец на работе, вы уж оставьте ему маленькую тарелочку.

Оказавшись на четвертом этаже, я подошёл к комнате Марины, потоптался, но так и не решился зайти, а спустился в буфет.

В буфете сидела Антонина Петровна, комендант общежития, женщина бальзаковского возраста, с завитыми обесцвеченными волосами, большой грудью и не менее большим задом, мечта усатых кавказцев и майоров в отставке, уплетала булочки и что— то обсуждала с остроносой активисткой с четвёртого курса.

Около месяца назад, Ганс засиделся в общежитии, пытаюсь отыгратья у Ботвинника, и остался ночевать, он жил в частном доме в пригороде Владивостока, и мама знала, что если он не приехал последней электричкой то значит, остался ночевать у друзей.

Утром он пошел на занятия и на вахте столкнулся с комендантом.

Антонина Петровна зорко следила, чтобы все гости покинули общежитие не позднее 23—00.

Она подозвала Андрея и стала читать нотацию о том, что правила существуют для всех и она никому не позволит их нарушать, потом добавила что из-за таких как он, остающихся на ночь, девочки рожают в шестнадцать лет.

Андрей мог возразить, что он ночевал у ребят, а девочки сами решат с кем, когда и где им встречаться и может быть стоит пересмотреть эти идиотские инструкции, но понял что разговаривать с ней бессмысленно и шутя сказал:

—Да у меня последнее время член вообще не стоит, может посоветуете что —нибудь?»

Антонина Петровна взвизгнула, мотнула головой и сказав

вахтерше: «Чтоб я его здесь больше не видела», – ускакала прочь.

Они стали врагами. Ганс прозвал её «Белая лошадь», за привычку мотать головой, когда нервничала и цокать на тонких каблуках, сгибавшихся под тяжестью её тела.

Очень быстро студенты, между собой, так её и стали звать.

— Куда «Белая лошадь» проскакала?

— Да к себе, в конюшню.

Андрею стало трудно проходить наверх и теперь они играли с Ботвинником в вестибюле, вместе их не пускали даже и ленинскую комнату или читальный зал.

Как то вечером, ожидая около вахты ребят, Ганс иронично заметил, видя как мимо проходит «Белая лошадь» с седовласым майором:

— Да ... правила у нас существуют одни для всех!

Андрею стало ещё труднее проходить в общежитие, вахтёры не пускали его, ни под каким предлогом «ни в буфет, ни в туалет», только с разрешения Антонины Петровны.

Андрей скорее повесился бы, чем стал просить о чём-то у коменданта и использовал любой случай, чтобы подразнить её. Играя в шахматы с Ботвинником, если она проходила мимо, он кричал на весь вестибюль: «Белой лошадью ходи! Всё равно от неё толку никакого!». Или очень громко рассказывал, слыша её цокающие шаги:

— Вчера виски пил «Белая лошадь» называются! Такое дерьмо, только пожилые военные могут хлестать это всю

ночь!

Чтобы хоть как то проходить в общежитие он записался в фото кружок, и по вторникам и четвергам поднимался в фотолaborаторию, а затем наверх.

Покупая булочки и беляши, я невольно услышал как «Белая лошадь», что то говорила о комсомольском рейде, прислушавшись, я понял, что проверка состоится сегодня.

В комнате ничего не изменилось, только пришёл Коля Фёдоров, высокий, худой парень из Комсомольска на Амуре. Он хорошо разговаривал, но когда нервничал, начинал сильно заикаться, если преподаватели вызывали его к доске, он краснел, нервничал и издавал одни звуки: « Ыыы... Ууу ... Ыыы»

Учителя махали рукой: «Садитесь, Фёдоров, ... Вам лучше писать».

Вот и сейчас, когда мы сели пить чай и я сообщил об услышанном разговоре, Коля открыл рот и замычал.

— Опять на китайский сбился. Возьми ручку и законспектируй,— Бобёр издеваясь протянул листок бумаги.

— Да пошёл ты на ...!

Коля редко обижался и не комплексовал из за своего недуга, а просто посылал матом, чётко и без запинки.

— Фёдор хочет сказать, что «Белая лошадь» знает, где ты постоянно бываешь, может сюда нагрянуть,— глядя на Ганса, перевёл с китайского, Ботвинник и собрался передвинуть пешку.

В этот момент дверь почти без стука распахнулась и на пороге появилась Антонина Петровна.

— Анохин, что ты здесь делаешь?

— За домашним заданием зашёл, — потом обратился к Ботвиннику:

— Запомни фигуры, в этой партии я выигрываю, тебя даже лошадиная атака не спасёт.

— Сейчас же вон отсюда! — заорала «Белая лошадь» и затрясла гривой.

После этого, на вахте появилась увеличенная фотография Андрея в чёрной рамке с текстом что вроде «Злостный хулиган, не пускать ни под каким предлогом».

Мне, потом, пожилая вахтёрша много лет проработавшая в общежитии, рассказывала, что такое она видит в первый раз, правда, был один хулиган, который раньше часто бывал в общежитии. Он посылал первокурсников за водкой, подсыпал снотворное в чай вахтёрам и устраивал в ленинской комнате оргии, голые девки и парни плясали вокруг бюста Ленина, потом закрыв на палку дверь коменданта и выдернув телефонный шнур, носились в простынях по этажам, пугая и развлекая студентов. Того потомка Калигулы не пускали в общежитие, но фотографию не вывешивали.

— А этот то, что натворил, обокрал, кого или изувечил? — интересовалась она у меня.

— Нет, просто сказал, что думает о коменданте, прямо в лицо, — отвечал я.

На следующий день, на большой перемене, Ганс свёл в ни-
чью отложенную партию и радостный потащил меня в биб-
лиотеку, показать загадочную девушку.

—Скорее всего, она сейчас там, ты увидишь она просто чу-
до, познакомься, узнай о ней побольше, что ей нравится и
потом, меня с ней познакомишь. В общем действуй по об-
становке, но главное осторожно,— я никогда не видел Ан-
дрея таким возбуждённым, он говорил сбивчиво, неуверен-
ным голосом, как будто хотел сказать что то ещё, но не на-
ходил слов.

Мы подошли к библиотеке и Ганс указал мне на рыжево-
лосую, стройную, но совсем обычную девушку.

—Вот эта крашенная кошка?— уточнил я для верности.

—Это настоящий, огненный цвет... и пожалуйста, выбирай
выражения!

Я не стал выяснять, откуда он знает, крашенные у неё во-
лосы или нет, а лишь сказал:

—Ты не мелькай здесь, сходи в столовую, съешь что-ни-
будь.

Я взял учебник астрономии, присел рядом и, листая его,
стал задавать вопросы о звёздах и галактиках, она отвеча-
ла вежливо, не односложно, но потом снова склонялась над
книгой. Я спросил, что она читает.

—Достоевского...

—Что мучает вопрос, как студент старуху убил?

—Нет, здесь другие человеческие страсти. Это «Игрок».

— Да, Федя, любил поиграть в рулетку и картишки. Может, сыграем на досуге?

— Неужели ты хочешь со мной познакомиться, обыграв в карты?

С каждым вопросом я всё больше ощущал её скрытое обаяние, она не кокетничала и не заливалась призывным смехом, а искренне разговаривала, глядя необычными серо – зелёными глазами, плавно перелистывала страницы, в её взгляде и движениях чувствовалась необыкновенная внутренняя красота и сила.

Я понял, что не стоит изображать светского балбеса, а лучше сказать прямо.

— Да, я хочу с тобой познакомиться, но ещё больше этого хочет мой друг.

— Меня зовут Оля. ...А где же твой друг?

Я вкратце рассказал, что и сам удивлён, но он волнуется и стесняется, поэтому просил меня поговорить с ней и если она не против, мы будем ждать её после занятий, в вестибюле, на первом этаже.

— Хорошо, но у меня ещё две пары, вы не устанете ждать?

— Нет, – твёрдо заверил я, подумав, что Ганс, если надо готов хоть сутки стоять под дождём или на морозе.

После занятий мы стояли в вестибюле и ждали звонка с четвёртой пары, Ганс нервничал и периодически спрашивал меня:

— Ну как она тебе? Что она сказала? Может, в другой раз

встретимся?

Я в десятый раз повторял ему, что Оля девушка интересная, познакомиться обязательно надо, и именно сейчас, только пусть разговаривает просто, без идиотских шуток и сравнений.

Мимо прошла Маша в окружении поклонников и слегка кивнула мне, какой то ухажёр с третьего курса грозно посмотрел на меня, я злорадно улыбаясь помахал ему рукой и заметил медленно спускающуюся по ступенькам парадной лестницы, Олю.

Я их познакомил и собрался уходить, но наступила тишина, Ганс был парализован, оставлять его в таком состоянии было нельзя, и я решительно предложил:

— Давай мы тебя проводим домой, ...сегодня чудесная погода!

Мы вышли на улицу, было холодно и дул северный ветер. Ганс в расстегнутом клетчатом пальто, лишь накинув шарф, бросился ловить такси, которые тут редко проезжали, но я уверен, он нашёл бы и остановил машину, даже если бы пришлось прыгать под колёса.

Оля задержала его, сказав, что ей недалеко и лучше поехать трамваем.

Почти всю дорогу разговаривали только мы с Олей, выяснилось, что она учится на третьем курсе, на аэрологическом и живёт с родителями на Первой речке, Ганс больше молчал, краснел и задавал глупые вопросы.

Когда стали выходить на остановке, Андрей галантно подал ей руку, а потом долго не отпускал её, Оля улыбалась, молча стояла и смотрела на него. Так продолжалось минуту, я увидел, как между ними зарождается, какое то искреннее чувство.

В субботу мы сидели в спортзале, шли соревнования по теннису.

В техникуме были сильные секции волейбола и бокса, но соревнования по настольному теннису собирали всегда массу людей. Марго отчаянно сопротивлялась, но неуклонно проигрывала своей сопернице, и я стал смотреть, как играют старшекурсники, Гипс и Борода.

Борода, упитанный, медлительный парень, преображался за теннисным столом, он как колобок перемещался по периметру стола, играл правой и левой рукой и даже по –китайски, отбивал немислимые удары, подкручивая и попадая точно по линии.

Гипс, долговязый и резкий, обладал удивительной подачей. Он сгибался над столом, держа шарик на вытянутой ладони, как драгоценную жемчужину, застывал и неожиданно подавал, как только шар попадал на поле соперника, он низко крутясь над столом, отскакивал то влево, то вправо или назад к сетке. Борода с трудом брал мяч, затем следовал молниеносный щелчок и если Бороде удавалось отразить удар, то мяч летел высоко над сеткой и второй щелчок Гипса довершал комбинацию.

Мы наблюдали за игрой этих призёров многих соревнова-
ний, но разговор шёл о девчонках.

В зал вошла Марина с каким то старшекурсником, подо-
шла к нам поздоровалась, спросила об учёбе, в зале стало
как будто светлее.

Ганс рассеяно смотрел за игрой, наверняка все его мысли
были об Оле, а Бобёр спросил:

— Ты был у Зайчика в гостях? Расскажи, что у тебя с ней
было?

Я сказал, что без приглашения не в моих правилах, ходить
в гости.

— Так ты будешь целый год ходить вокруг да около, зачем
нужно приглашение, было бы желание, а повод всегда най-
дется, — в подтверждение своих слов Бобёр привёл пример:

— Заходишь в комнату — просишь соли, увидев её, воскли-
цаешь — привет, не знал, что ты здесь живёшь, как у тебя
уютно, а у меня бутылочка вина имеется и дальше по схеме
— всё просто.

— У Вас идеалы и цели разные, Косте, Марина действитель-
но нравится и он не хочет испортить отношения, неосторож-
ным поступком, ты же только познакомишься — сразу в атаку,
потому что думаешь только о том, как бы побыстрее снять
труссы. И заходить без приглашения неэтично, — неохотно
вмешался в разговор Андрей.

— Ты глянь — Гегель проснулся! А ломать челюсти одно-
группникам — этично? И идеал у всех один — какая она будет

в постели, поэтому топтаться и тянуть время не зачем, тем более, если девчонка нравится!– Саня посмотрел на Ганса и добавил:

– Да ты и сам как с девчонками разговариваешь, надсмехаешься да напеваешь дурацкий мотивчик: «Радж Капур,..Радж Капур –посмотри на этих дур».

Разгорелся спор, и я, чтобы остановить перепалку, рассказал случай не так давно произошедший со мной.

Как-то прогуливаясь по четвёртому этажу, в общежитии, в надежде увидеть Марину, мне преградила путь, слегка выпившая, дородная четвёртокурсница, воскликнув:

– Какой хорошенький!... Ну заходи в гости, -схватила меня и затолкала в комнату.

В комнате накручивала бигуди не менее пышнотелая подруга, в белом махровом халате.

– Ты посмотри, какая прелесть – прямо Арамис, если усы приклеить!

– Да ничего, ... только худоват немного»,– подруга задержала взгляд на моей заднице,– ладно, меня уже ждут– она быстро переоделась, не смущаясь меня, и вышла.

Похитительница закрыла дверь на ключ, достала солёные огурцы, разлила водку в граненые стаканы и сказала:

– За знакомство!

Не прошло и пяти минут, я был ошарашен, молча выпил и закусил.

– Эх, растерзаю ..., – она стала, расстегивать кофточку, по-

казывая большую белую грудь.

Я ощутил себя ягнёнком в клетке с тигром и затараторил:
_Сейчас не могу, болею, в другой раз, ты великолепна, просто мечта Рубенса!

_Какого Рубена... армянина с пятого этажа?– не поняла она.

_Да нет... другого армянина, он жил немного раньше и рисовал прекрасных женщин, – уточнил я, потихоньку продвигаясь к двери.

_Жаль, ты выздоравливай и заходи! – тигрица обхватила меня, прижала к груди, громко поцеловала и открыла дверь.

_Вот это атака ,я бы наверное тоже не смог,– промолвил Бобёр и хотел ещё что то добавить, но подошла раскрасневшаяся после соревнований, Марго и спросила:

_Всё женские задницы обсуждаете, а про новогодний вечер кто будет думать?

И разговор зашёл о предстоящей вечеринке – когда лучше собраться у Аркаши, кто будет помогать Марго резать салаты, а кто доставать алкоголь.

Когда Марго ушла, Бобёр произнёс :

_Какая грудь , так и хочется задрать майку! Но не могу, она мне как сестра.

_Скорее удара в живот боишься, – поправил Ганс.

Наступило 31 декабря.

Утром сидели на занятиях, больше поздравляли преподавателей, но кое– кто все ещё пытался сдать зачёт или ла-

бораторную работу, настроение праздничное, весь техникум разукрашен, кругом веселые лица.

Мы с Гансом спустились в спортзал, тут уже установили елку и шла подготовка к предстоящему карнавалу.

Наши музыканты настраивали аппаратуру и готовили костюмы, Бобёр надоедал ценными советами и размешивал краски, они решили раскрасить лица разноцветными фигурами, на манер «Киссов» и выступать в блестящих накидках. Бобёр пробуя, как ложится краска на лице Аркаши, спросил у нас:

— Ну, а вы в чём придёте? Хотя Ганса можно и не спрашивать, ему хоть сейчас на карнавал.

Мне было всё равно, а Ганс наоборот был озадачен. Весь вечер он хотел провести с Олей и поэтому вдруг стал шепетил к своей одежде.

Я посоветовал одеть нормальный костюм, а маску я ему достану.

Договорившись, встретится на карнавале, мы разошлись по домам.

Примерно в восемь часов я вошел в зал, разнообразные маски и костюмы металась вокруг. Директор поздравил всех с праздником, зажглась ёлка, зазвучала музыка и карнавал начался.

Около ёлки я заметил Ганса со Снегурочкой, в длинном до пят серебристом пальто и такой же серебристой шапочке. Андрей делал косичку, вплетая красную ленту. Я дал ему

маску в стиле «Мистер Икс», а сам одел усмехающуюся рожицу чеширского кота.

В строгом темно-синем костюме Ганс как то сразу преобразился, узнать его можно было только по бабочке.

Снегурочка обернулась, я рассмеялся, на меня смотрело небритое, подрумяненное лицо с огромными накрашенными ресницами, хриловатым голосом Бобра, она спросила:

_Выпить есть?

Снегурочкой Саню никто не выбирал, просто он где то стащил этот наряд и теперь по залу ходили две Снегурки одна с Дедом Морозом, другая сама по себе.

Отовсюду лилась музыка, звенели, рассыпая конфетти хлопушки, вокруг елки кружился хоровод. Ребята, сверкая блестящими накидками и разноцветными лицами, заиграли самую известную песню группы «Chilly» и мы схватившись друг за друга, подпрыгивая и раскачиваясь, двинулись к ёлке. Впереди лихо задирала ноги Снегурочка, потом Ганс и я, скоро и меня кто-то обхватил, наша цепочка стала разрастаться, сливаясь в общем танцующем потоке.

Устав танцевать, я выбрался из потока, и увидел Марину, даже в маске я узнал её. Она стояла в окружении старшекурсников, в красном облегающем платье, без рукавов и длинных чёрных перчатках, проходя мимо, я поднял маску и поприветствовал её, Марина улыбнулась мне, снова солнечный зайчик вылетел из её глаз и заиграл в моей душе.

Я вышел покурить на улицу.

Внезапно возникла потасовка, из-за девушки, с ребятами из морского училища, которые пришли на новогодний вечер. На улицу вывалила толпа ребят в основном старшекурсников, человек двадцать – тридцать. Напротив образовалась такая же группа «мореходцев». Напряжение возрастало, вдруг из группы «мореходцев» вышел светловолосый паренёк и миролюбиво предложил:

— Зачем мы будем портить друг другу праздник? У Вас девчонок намного больше, чем ребят, а мы их только по праздникам видим! Что Вам жалко, что ли...

Его спокойный голос охладил пыл сторон. На середину вышел Бобёр, поправил шапочку с приклеенной к ней русою косой, расстегнул пальто и вынимая папиросу из-за рта пробасил:

— Конечно, не стоит в Новый год выбивать друг другу зубы, но если обидите наших девчонок, будете иметь дело со мной!

Все рассмеялись, глядя на грозную Снегурочку. Перемирие было скреплено несколькими бутылками портвейна и пестрая толпа ввалились в зал.

Я увидел подошедшего к микрофону Илью и услышав по первым аккордам, балладу «Пёплов», «Солдат фортуны», решил действовать.

Обогнав буквально на два шага, старшекурсника в маске Буратино, пригласил на танец Марину. Она нежно положила мне руки на плечи, и мы плавно закружились в центре зала, среди качающихся пар.

Её глаза искрились и необыкновенное, приятное излучение исходило от её тела и передавалось мне. Я почувствовал себя счастливым и беззаботным, но в тоже время уверенным и сильным.

Когда танец закончился, я прижал Марину к себе, прошептал в ухо:

— Я тебя никуда не отпущу, ...давай встретим Новый год вместе!

Она сказала, что это последний Новый год в техникуме, в конце марта она заканчивает учёбу и все решили встретить его вместе, украсили аудиторию, накрыли столы принесли рояль, будет что вроде Новогоднего капустника, ..., но в час ночи она будет ждать меня у себя в комнате.

Я шел по залу, будто во сне, волна неожиданного счастья накрыла меня, блеск бенгальских огней, разрывы хлопушек, разноцветные маски – всё смешалось в одном сплошном хороводе. Неожиданно я наткнулся на держащихся за руки и медленно танцующих, Ганса и Олю.

Сознание прояснилось, я поздравил Олю с наступающим праздником и напомнил Андрею, что мы встречаем Новый год у Аркаши.

Мне показалось, они меня не слышат и не видят, но Андрей на секунду повернул бледное лицо и незнакомым голосом, как будто говорит, кто внутри его, промолвил:

— Оля встречает Новый год дома, с родителями. Я её провожу и приду к Вам.

Я испугался за него, но вспомнил, что минуту назад сам был таким и направился к креслам.

Музыканты одели маски поросят и сыграли знаменитую песню «Флойдов» из альбома «Animals».

Вечер подходил к концу, музыкантов не отпускали, требуя сыграть ещё что-нибудь, снова и снова. Наконец, уже в начале двенадцатого, Аркаша с Ильёй упаковали гитары, Геня подключил к колонкам магнитофон, для тех, кто не хотел расходиться и мы вышли на улицу.

Нас собралось человек десять – двенадцать, Марго с Ириной, ушли пораньше приготовить стол, кто – то встречал Новый год в общежитии, там обещали дискотеку до пяти утра, кто то с родителями.

Впереди, взвалив гитары на плечи, шли Аркаша с Ильёй, что-то обсуждая, мы с Геней несли сумку с шампанским, при этом Филин пытался немного поспать, сзади небритая Снегурочка обхватив двух девчонок, что-то нашёптывала им и они заливисто хохотали.

Придя к Аркаше, увидев накрытые столы и уставших от резки салатов и сервировки, Ирину и Марго, сразу же выпили за их здоровье.

Бобёр рассадил девочек и бегал вокруг стола, ухаживая за ними, разливая вино и накладывая закуски. Наполнили бокалы и проводили Старый год. Телевизор был включён, но речь генсека и генералиссимуса никто не слушал, за столом стоял смех и суета, двигались тарелки, стучали вилки.

Буквально с первым ударом курантов в комнату ввалился Ганс, выстрелили пробки, шампанское потекло в бокалы. Так наступил новый 1982 год, последний год застойно-стабильного периода страны, но об этом мало кто догадывался.

Насытившись и устав танцевать, все незаметно стали рассасываться по тёмным углам, за столом остались Ирина и Илья тихо беседующие о чём то, я засобирался в общежитие, Ганс, подумав, решил пройтись со мной.

На улице тихо падал мелкий снег, покрывая землю пушисто-белым искрящим пледом. Думая каждый о своём, мы шли по Пограничной, улица была пустынна, но из раскрытых окон падал свет, лилась музыка, свистели, рассыпаясь разноцветными огнями, пущенные, откуда то неподалёку, ракеты.

Я не стал спрашивать о свидании с Олей, а немного подостлав, слепил снежок и запустил Андрею в спину. Он очнулся, скатал комок и побежал за мной. Так смеясь, и убегая друг от друга, едва не разбив прихваченное с собой шампанское, мы добрались до общежития.

На вахте нам преградила путь седая вахтерша, она смотрела на Ганса, как на опасного рецидивиста, косясь на фотографию в красной рамке, не хотела пускать даже по случаю праздника. Ганс сел в кресло и погрузился в свои мысли, а я, увидев Колю Фёдорова, попросил его что-нибудь придумать.

Через несколько минут появился Фёдор и мы вышли на улицу.

Он подвёл нас к торцу здания и заикаясь начал объяснять.

Фёдор был слегка пьян и волновался, переводить было некому, но мы с Гансом поняли его план.

Он с Ботвинником свяжет простыни и спустит их не со второго этажа, где могли появиться «Белая лошадь» и преподаватели, а с третьего.

Фёдор, сложив в пакет шампанское, ушёл, а к нам подошёл Золотарёв, его сильно пьяного вывели из дискотеки и больше не пускали в общежитие.

Через некоторое время окно открылось, и спустился канат из связанных простыней. Я подтянулся и цепляясь руками за канат, а ногами за выступы в стене, полез наверх. Затем, не смотря вниз, ухватился за подоконник и меня, обессилившего, Ботвинник втащил в окно. Также быстро в коридоре третьего этажа оказался Ганс. Настал черёд Золотарёва, он подпрыгнул, довольно бодро полез наверх, но быстро выдохся и не двигаясь повис, как мешок с песком. Все стали его тащить, как вдруг раздался треск, простыни не выдержали и Золотарёв молча полетел вниз. Раздался шлепок, и наступила тишина. Мы выглянули в окно, в темноте недвижимое тело Золотарёва было едва различимо, а валяющиеся рядом простыни напоминали порванный парашют. Фёдор побежал вниз, а Ботвинник нашел в умывальнике ведро, наполнил наполовину водой и вылил сверху на парашютиста.

Тело зашевелилось, Золотарёв привстал и трезвым голосом спросил:

— Где это я?

— В роддоме, С Новым годом! — ответил подбежавший Фёдор, обнял его и расхохотался.

Ганс с Ботвинником пошли наверх, а я прихватив шампанское и вытащив из цветочного горшка ирисы, направился к Марине.

Тихонько постучался, открылась дверь — Марина стояла в том же облегающем красном платье, но уже без маски и перчаток, тихо играла музыка, горели свечи.

Невозможно описать эту ночь первой настоящей любви. Когда ты полон счастья и блаженства, лежишь рядом с теплой, ласковой, все понимающей половинкой, и чувствуешь, что именно её тебе и не хватало.

Утром нас разбудили характерные звуки наполняющие общежитие — хлопанье дверей, звон кастрюль и сковородок, гитарные аккорды и песни о тревожной молодости.

Затем постучался Ганс и сообщил, что Оля приглашает нас к себе в гости, её родители уедут за город, навестить родных.

Мы купили в кулинарии, на Фонтаной, большой торт и втроем, ближе к вечеру, пришли к Оле.

Марина с Олей быстро подружились и без умолку болтали, а мы с Андреем курили папиросы и поедали торт, слушая, привезённые, отцом Оли, из далёких рейсов, пластинки.

Потом, мы с Мариной, решили оставить их одних и прогуляться по парку.

Было около десяти часов, но в парке бродили люди, скрипели санки, горели фонари. Лёгкий морозный воздух приятно, приятно щекотал лицо, мы шли обнявшись и улыбались своему счастью.

Вчетвером мы часто ходили в кино и в «Межсоюзку», в зеркальном зале, которого, зимой собиралась вся молодёжь на танцы, в перерывах в другом зале смотрели мультфильмы, под язвительные комментарии с первых рядов и сплошной хохот зала. Проматывали стипендию в «Челюскине», Оля покупала билеты в театр, на драматические пьесы, мы с Гансом бешено хлопали, чтобы не заснуть и радуясь перерыву, неслись в буфет.

В одно из воскресений, Бобер пригласил на зимнюю рыбалку, на остров Попова, сказав, что у знакомых там есть избушка и полно удочек.

Рано утром, мы вчетвером плюс Бобёр и Марго, загрузились, в тулупах и валенках, на паром, который взял курс на остров. Причалив и обойдя остров с северной стороны, нам открылось сплошное море льда, изредка, усеянное недвижными фигурками рыбаков. Лёд был крепкий, слегка припорошённый снегом, мы просверлили лунки и уселись рыбачить, временами поддерживая удочки и глотая водку, а девочки катались на коньках, огибая лунки и не обращая внимания на крики рыбаков. Рыбы было много, довольно быстро наловив штук сто прекрасной зимней корюшки, мы отправились в избушку, растопили печь и зажарили рыбу на

большой чугунной сковороде.

Свежая ,жаренная корюшка, заснеженный остров и танцы в тулупах...

Незаметно пролетели два зимних месяца. Наступил март, но он не принёс нам радости. Заболела Оля, что то связанное с заболеванием дыхательных путей, она никогда не говорила, хотя у неё и раньше случались боли, а теперь она лежала дома, Ганс почти каждый день навещал её, врачи советовали ей сменить на год – два климат.

Марина сдала госэкзамены, и её распределили на Камчатку, в обсерваторию.

Я понял, что расставанье неизбежно, её направляли на работу, а мне надо было учиться.

Я сидел на последнем ряду лекционной аудитории, не хотелось ни есть, ни спать, ничего не интересовало, ходил словно больной, мама постоянно измеряла температуру, потом догадалась, что со мной происходит, но расспрашивать не стала, а только сказала, что если возникнут вопросы или просьбы, сразу же обращайтесь к ней.

Вчера мы с Гансом, проводили Марину, долго стоял гул в ушах и голос диктора в третий раз повторяющего, что посадка заканчивается, и среди тысячи лиц одно лицо, родное и дорогое, ещё мгновение, и оно растворилось в этой спешащей толпе людей. Камчатка, край земли, ничего не замечая, я еле добрался до дома.

А сегодня Оле стало хуже, её перевезли в больницу, и ма-

ма решила отправить Олю в Болгарию, она была парфюмером и часто летала в эту шестнадцатую республику, Андрей был в больнице, но в палату его не пустили и они разговаривали через стекло, одними глазами и жестами.

Мы сидели на парапете набережной, свесив ноги и наблюдая за кружащимися парами, большими океанскими чайками.

Грело весеннее солнце, гудели пароходы, кругом кипела жизнь, но ничего не радовало нас, ещё месяц назад, мы прыгали в тулупах вокруг костра, держа в руках любимые ладони, смотря вокруг влюбленным взглядом.

Я был уверен, этого никогда больше не будет, наши пути расходятся, спираль жизни закрутится в другую сторону.

Дельта насторожилась и пулей вылетела из комнаты.

Послышались звуки подъезжающей машины, хлопанье дверей, радостный лай Дельты, женский визг и бодрый Юрин голос:

— Есть кто в живых? ... или Дельта будет шашлык готовить? Куда водку ставить?

Сад постепенно наполнялся звуками и я пошел встречать гостей.

Костя лежал на диване и отрешённо смотрел в потолок, он был далеко, за много лет отсюда, в своей юности, за последней партией.